

18+

Яна Петрова

Чаевые за любовь

«Автор»

2026

Петрова Я. Л.

Чаевые за любовь / Я. Л. Петрова — «Автор», 2026

Что делать, если любовь превращается в пустые обещания, а близкие не замечают твоей боли? Настя, студентка педагогического, устала ждать. Ждать цветов от парня, который "не может" их купить, ждать внимания, ждать, когда её жизнь наконец начнётся. Однажды она решает: хватит. Устроившись на работу вебкам-моделью, она обретает деньги, свободу и уверенность, но вместе с ними приходит тайна, которая взрывает всё. Правда раскрывается, от Насти отворачиваются: парень, подруга, родители, университет. Оставшись одна, она улетает в Таиланд, где находит новых подруг, новую жизнь и ... настоящую любовь. Это история о выборе, предательстве и верности, о том, что любовь - это не слова, а поступки. О том, что иногда нужно потерять всё, чтобы найти себя. И о том, что чаевые за любовь можно получить только тогда, когда перестаёшь продавать себя и начинаешь ценить себя.

© Петрова Я. Л., 2026

© Автор, 2026

Яна Петрова

Чаемые за любовь

Глава 1. Сентябрь, который делит жизнь пополам

Сентябрь всегда пахнет по-особенному: мокрым асфальтом, жёлтыми листьями, лёгким дымком, свежей бумагой, чужими надеждами и чуть осязаемым холодком, который прячется в утреннем воздухе. Город просыпался медленно, нехотя, будто тоже не хотел расставаться с летом.

Анастасия Ковалёва стояла у окна съёмной квартиры на пятом этаже, держа в руках кружку с остывшим чаем, и смотрела, как дворник сметает в кучу первые опавшие листья. Каштановые волосы, густые и непослушные, падали ей на плечи, а карие глаза отражали серое небо. В них была та мягкая, чуть задумчивая теплота, которая притягивала людей, но одновременно скрывала целый мир противоречий.

Настя — так её звали все, кроме преподавателей и мамы, — была доброй. Не той показной добротой, которая любит аплодисменты, а тихой, незаметной, будничной. Она могла отдать последний кусок хлеба, выслушать чужую боль до конца, не перебивая, найти слова утешения там, где другие лишь разводили руками. Она умела любить — по-настоящему, глубоко, до дрожи в пальцах. Но в этой же душе, словно трещина в хрустале, жили зависть, ревность и вспыльчивость. Она могла разозлиться из-за пустяка, сказать резкое слово, а через минуту уже плакать в подушку, проклиная свою несдержанность. Она знала за собой эти грехи и носила их, как тяжёлые камни в карманах: и стыдно, и выбросить страшно.

Второй курс начался для неё не с радости, а с тихого ужаса. Первый год пролетел как в тумане: новые лица, общежитие, бесконечные конспекты, ночные разговоры с Наташей, первые зачёты, первые слёзы над учебником педагогики. Теперь же всё повторялось, но уже без права на ошибку. Настя училась на педагога — не потому, что некуда было пойти, а потому, что верила: в мире должно быть больше света. Ей нравилось представлять, как она войдёт в класс, как дети поднимут на неё глаза, полные любопытства, как она сможет стать для кого-то тем взрослым, которого им так не хватает. Эта мечта грела её, когда становилось совсем трудно.

Но реальность студенческой жизни была беспощадна. Лекции с восьми утра, семинары, бесконечные методички, требования преподавателей, которые, казалось, забыли, что сами когда-то были студентами. Настя старалась успевать всё: конспектировать, читать дополнительную литературу, готовиться к практике. Иногда она брала заказы на репетиторство — занималась с младшими школьниками, помогала с математикой и русским. Платили мало, но это были её собственные деньги, и она гордилась этим.

Квартиру они снимали вместе с Наташей. Две комнаты, маленькая кухня, скрипучий диван и балкон, на котором они пили чай, когда город засыпал. Наташа была её лучшей подругой — той самой, с которой можно молчать и не чувствовать неловкости. Они познакомились

на первом курсе, в общежитии, когда обе оказались в одной комнате и сразу поняли: либо станут врагами, либо сёстрами. Они выбрали второе. Теперь они делили не только квадратные метры, но и радости, и тревоги, и тайные мысли, которые не решались произнести вслух.

Наташа была светловолосой, с серыми глазами и лёгкой, чуть насмешливой улыбкой. Она училась на журналиста и мечтала писать тексты, которые изменят мир. В ней было больше огня, чем в Насте, больше решимости и меньше терпения. Она хотела любви. Не просто романа, не случайной встречи, а настоящего, глубокого чувства, от которого замирает сердце. Но пока в её жизни не было никого. И это одиночество, о котором она почти никому не говорила, медленно точило её изнутри.

Они с Настей завидовали друг другу. Тихо, по-женски, стараясь не показывать этого даже самим себе. Наташа завидовала тому, что у Насти есть Артур. Пусть он не идеален, пусть он не дарит цветы и не водит в рестораны, но он есть. Он обнимает её, пишет ей сообщения, ждёт после пар, смотрит на неё влюблёнными глазами. А Наташа приходила в пустую комнату, ложилась на кровать и слушала, как в соседней комнате Настя тихо смеётся над шутками Артура в трубку. И тогда сердце сжималось, хотя она гнала это чувство прочь.

Настя, в свою очередь, завидовала Наташе. Её свободе и её лёгкости. Тому, что ей не нужно подстраиваться под чьи-то настроения, ждать звонка, мучиться от ревности. Наташа могла в любой момент собраться и уехать, могла флиртовать с кем угодно, могла не отчитываться ни перед кем. А Настя была привязана. Не только к Артуру, но и к собственным чувствам, которые иногда казались ей цепями.

Артур учился на юридическом. Высокий, с каштановыми волосами и карими глазами, он был похож на Настю — не внешне, а какой-то внутренней мягкостью. Он умел быть терпеливым. Когда Настя вспыхивала, он не повышал голос, а просто ждал, пока гроза пройдёт. Он умел любить — тоже по-настоящему, но как-то рассеянно, будто любовь была для него не ежедневным трудом, а тёплым фоном. Он был ленив. Это признавали все, включая его самого. Мог неделю собираться сходить в библиотеку, мог забыть про обещанную встречу, мог соврать, что был занят, хотя на самом деле просто проспал. Он был безответственным, и это пугало Настю больше всего.

Но в отношениях он старался проявлять себя с лучшей стороны. Как умел. Он бегал за Настей — в прямом и переносном смысле. Ждал её после лекций, носил её сумку, покупал кофе в автомате, писал длинные сообщения поздно ночью. Он старался ей угодить, но делал это в рамках своих возможностей. А возможности были скромными: студент, стипендия, подработки у отца на лето, вечные долги и вечная нехватка времени.

— Настюш, ну ты же понимаешь, — говорил он, виновато глядя на неё. — У меня сессия. У меня мало денег. Я же не могу водить тебя по ресторанам. Но я же люблю тебя. Разве это не главное?

Настя понимала. И прощала. Но где-то в глубине души, в самом тёмном уголке, который она боялась рассматривать, копилась обида. Ей хотелось не ресторанов. Ей хотелось внимания. Чтобы он сам придумал, куда пойти. Чтобы подарил цветы — пусть даже один, сорванный с клумбы, без повода. Чтобы сказал: «Я хочу просто сделать тебе приятно», а не «Я не могу, потому что я студент». Она устала быть той, кто всегда понимает, терпит и ждёт.

В то утро второго сентября Настя стояла у окна и думала о том, что этот год должен что-то изменить. Она не знала, что именно. Может быть, Артур наконец повзрослеет. Может быть, Наташа встретит свою любовь. Может быть, она сама станет увереннее. Но пока за окном моросил дождь, а на кухне гремела посудой Наташа. Жизнь казалась ей застывшей, как старая фотография.

— Ты чего застыла? — Наташа появилась в дверях, взъерошенная, в пижаме. — Опять философствуешь?

Настя обернулась и улыбнулась. Настоящей улыбкой, которая на мгновение согрела комнату.

— Думаю о том, что второй курс — это уже серьёзно.

— Серьёзно — это когда диплом, — фыркнула Наташа. — А пока мы просто выживаем. Будешь омлет?

Они сели завтракать. Разговор шёл легко, перескакивая с учёбы на планы, с планов на преподавателей, с преподавателей на Артура. Наташа слушала, как Настя рассказывает о нём, и в её глазах мелькала тень. Она завидовала. Тихо, беззлобно, но завидовала. У неё никого не было. А Настя жаловалась на то, что Артур не дарит ей цветы и не зовёт на свидания. Наташа бы всё отдала за то, чтобы кто-то просто ждал её после пар.

— Может, он исправится, — сказала Наташа, помешивая чай. — Мужики взрослеют позже.

— Или не взрослеют вообще, — ответила Настя, и в её голосе прозвучала та самая вспыльчивость, которую она так старалась сдерживать.

Они посмотрели друг на друга и одновременно рассмеялись. В этот момент они были сёстрами. Равными. Одинаково одинокими в своих желаниях. Настя хотела больше любви, поступков и внимания, Наташа хотела, чтобы хоть кто-то был рядом. И пока обе страдали от нехватки чего-то важного, им было легко друг с другом.

Днём Настя поехала в университет. Трамвай тащился по улицам, набитый студентами, пенсионерами и уставшими людьми. Она смотрела в окно и думала об Артуре. Сегодня он обещал встретить её после пар. Обещал. Но она уже знала: он может опоздать, может забыть, может написать в последний момент: «Прости, завал, не смогу». И она будет стоять у корпуса, смотреть на часы и чувствовать, как обида поднимается к горлу.

Но он пришёл. Стоял у входа, с рюкзаком на одном плече, взлохмаченный, с виноватой улыбкой. Увидев её, он просиял.

— Настюха! — он шагнул навстречу, обнял крепко, будто не видел целую вечность. — Я так соскучился по тебе.

Она хотела сказать что-то колкое. Хотела напомнить, что он вчера не позвонил. Хотела спросить, почему он опять с пустыми руками. Но вместо этого прижалась к его плечу и закрыла глаза. Она любила его. По-настоящему. И это было сильнее обиды.

— Пойдём гулять? — предложил он. — У меня есть немного денег. Можем купить кофе.

Она кивнула. Они пошли по улице, взявшись за руки. Артур рассказывал про лекции, про строгого профессора, про то, как он хочет стать адвокатом и однажды купить ей дом. Настя слушала и верила. Почти верила. Потому что если не верить, то зачем всё это?

Вечером она вернулась домой. Наташа сидела на диване с ноутбуком, что-то печатала. Увидев Настю, подняла глаза.

— Ну, как дела?

— Нормально, — ответила Настя, снимая кроссовки. — Гуляла с Артуром.

— Цветы подарил? Или снова с пустыми руками пришёл?

— Наташ...

— Что? Я же просто спросила.

Настя прошла на кухню и налила воды. В окне отражалась её фигура — уставшая, но всё ещё красивая. Она думала о том, что завтра снова лекции, снова конспекты, снова ожидание звонка. И где-то в глубине души шевелилось чувство, которое она не хотела называть. Зависть. К тем, у кого всё просто. К тем, кто не сомневается. К тем, кто умеет быть счастливым без оглядки. К тем, кому всё даётся легко.

Наташа, оставшись в комнате, отложила ноутбук и посмотрела в стену. За стеной жила её лучшая подруга. У неё был парень. У неё была любовь. А у Наташи — только мечты и пустая комната. Она вздохнула и снова открыла ноутбук. Зависть — это кислота. Она разъедает даже самые прочные связи. Но пока они обе не знали, что этот год проверит их дружбу на прочность. Пока они просто жили. Делили кухню, шутки, тишину и сентябрьский свет, который казался одинаковым для всех.

А где-то в городе, в старом корпусе университета, Артур листал конспекты и думал о Насте. Он правда любил её. Но любовь его была лёгкой, как перо. Он не понимал, что перо не всегда способно удержать человека на краю. Он ещё не знал, что однажды Настя устанет ждать. И что этот год станет для них обоих годом взросления. Но это будет потом. А пока был только сентябрь. И два сердца, которые бились в одном ритме, но по разным причинам.

Глава 2. Праздник, на котором всем было весело, но не им

Праздник начала учебного года в педагогическом университете был мероприятием странным. С одной стороны — официальным, с речами декана и гимном в актовом зале. С другой — почти карнавальным: гирлянды из бумажных листьев, самодельные плакаты «Добро пожаловать, студент!», столы с печеньем и остывшим лимонадом, музыка из колонок, которые кто-то притащил из общежития. Всё это должно было создавать ощущение семьи. Иногда получалось. Иногда — нет.

Настя узнала о празднике в понедельник, на перемене между парами. Объявление висело на доске у деканата, написанное от руки, с восклицательными знаками и нарисованным солнышком. Кто-то явно старался.

— В пятницу в шесть, — сказала она Наташе в трубку, стоя у окна на лестничной площадке. Мимо неё шли студенты, гулко отбивая шаги по кафелю. — Приходи. Ну пожалуйста. У нас будет концерт, потом дискотека. Будет весело. Я не хочу быть на этом празднике без тебя...

— Насть, — Наташа вздохнула так, будто её просили переехать в другой город. — У меня уже планы.

— Какие у тебя планы? — Настя прищурилась, хотя собеседница её не видела. — Ты вчера весь вечер смотрела сериал и ела чипсы.

— Это были творческие планы. Я обдумывала статью для редакции.

— Наташ...

— Что «Наташ»? Я серьёзно.

— Наташ, ты сидишь дома одна, — Настя понизила голос, потому что мимо прошёл преподаватель. — Я тебя знаю. Ты будешь сидеть в пижаме, листать ленту и страдать. Пойдём. Познакомишься с кем-нибудь.

Пауза. Настя почти слышала, как в голове подруги идёт борьба.

— С кем я там познакомлюсь? С твоими педагогами? Они все либо женаты, либо изучают теорию воспитания.

— У нас есть юристы, — соврала Настя с лёгкостью, которая давалась ей легко. — Они придут. У нас совместное мероприятие.

Это была правда только наполовину. Юристы действительно иногда приходили на университетские праздники, но не потому, что их приглашали, а потому, что искали, где на халяву поесть.

— Правда? — в голосе Наташи мелькнула искра.

— Правда.

— Ну... — ещё одна пауза. — Ладно. Но если будет скучно, я уйду.

— Договорились.

Настя повесила трубку и улыбнулась своему отражению в тёмном стекле. Она любила такие моменты — когда удавалось вытащить Наташу из её раковины. Ей казалось, что так она платит за добро, которое Наташа делала для неё каждый день: слушала жалобы на Артура, не осуждала, наливала чай, когда Настя возвращалась разбитой. Дружба — это бухгалтерия, только без цифр.

В пятницу Настя собиралась дольше обычного. Она перемерила три платья, два свитера и остановилась на четвёртом варианте — тёмно-бордовом платье с рукавом в три четверти, которое подчёркивало талию и делало карие глаза почти чёрными. Волосы она уложила мягкими волнами, оставив каштановую волну спадать на плечи. Она накрашила ресницы, чуть тронула губы блеском и посмотрела в зеркало.

Оттуда смотрела девушка, которую хотелось любить. Настя знала это про себя. Она знала, что красива — не той кричащей красотой, которая требует внимания, а тихой, обволакивающей. Ей хотелось, чтобы это увидел Артур. Но Артур не пришёл.

Он написал в четыре часа: «Настюш, я не смогу. Завал по гражданскому. Прости. Люблю».

Она прочитала сообщение, задержав дыхание, и медленно выдохнула. Потом напечатала: «Хорошо». И больше ничего. Не стала устраивать сцену. Не стала спрашивать, точно ли у него завал, не мог ли он прийти хотя бы на час. Она устала спрашивать. Устала ждать, что он ответит что-то, кроме «прости».

Наташа ждала её в коридоре, уже одетая — чёрные брюки, белая блузка, волосы собраны в высокий хвост. Она выглядела свежей и немного нервной.

— Готова? — спросила Настя, натягивая пальто.

— Не знаю. У меня ощущение, что я иду на экзамен, к которому не готовилась.

— Это просто праздник. Выдохни. Всё будет хорошо.

— Для тебя просто праздник, — Наташа поправила воротник. — Ты там всех знаешь. А я буду стоять в углу и делать вид, что мне интересно.

— Ты не будешь стоять в углу, — Настя взяла её под руку. — Ты будешь стоять рядом со мной. И мы найдём тебе кого-нибудь.

— Найдём? Как гриб?

— Как принца.

Наташа фыркнула, но в её глазах мелькнула благодарность. Она не умела говорить такие вещи прямо, но Настя знала: за этой насмешливостью прячется тихое «спасибо».

Актный зал был забит людьми. Воздух стоял густой, тёплый, с примесью дешёвых духов, лака для волос и надежды. Гирлянды мигали, колонки хрипели, декан произносил речь про великое призвание педагога, а студенты переписывались в телефонах, не поднимая глаз. Настя нашла свободное место у стены и встала, прислонившись плечом к колонне.

Наташа оглядывалась по сторонам с видом разведчика, попавшего на чужую территорию.

— Тут есть нормальные? — прошептала она.

— Есть, — Настя кивнула в сторону группы парней у сцены. — Вон те, например. Из юристов.

Наташа посмотрела, оценила, поджала губы.

— Средние.

— Ты слишком требовательна.

— Я не требовательна. Я просто знаю, чего хочу.

— А чего ты хочешь?

Наташа не ответила. Она смотрела в зал, и в её глазах было то самое — одиночество, которое она прятала за насмешками. Настя на секунду почувствовала укол вины: у неё был Артур, пусть и неидеальный, а Наташа лежала в своей пустой комнате и слушала тишину. Но укол быстро прошёл. У неё самой тоже было не всё гладко, хоть иногда она и не хотела признавать этого.

Концерт закончился через час. Началась та часть, которую все ждали: музыка, танцы, свободное перемещение. Настя стояла рядом с одноклассницами — с Леной, Катей, Викой, Аней. Все красивые, все нарядные. И все с историями, которые Настя знала почти наизусть.

— Ой, девочки, — Лена поправила волосы, на которых сияла новая заколка. — Мне Денис вчера такие розы подарил! Огромный букет. Аж двадцать пять штук.

— Двадцать пять? — Аня округлила глаза. — У меня бы сердце остановилось при их виде.

— А мне Рома недавно телефон поменял, — вставила Катя, небрежно, будто речь шла о пакете молока. — Старый сломался, он говорит: «Ты же у меня одна». И купил.

— Какой?

— Новый. Не знаю модель, но явно дорогой.

Настя слушала и улыбалась. Улыбка была вежливой, закреплённой на лице, как маска. Она кивала, говорила «вау», «круто», «повезло тебе». А внутри что-то медленно сжималось.

— А мы с Денисом на выходных на природу ездили, — продолжала Лена. — Шашлыки, озеро, палатка. Так хорошо было. Он у меня вообще молодец. Постоянно старается меня чем-то удивить.

— А мы живём вместе, — сказала Вика, и это было сказано с той особой интонацией, которая сразу отделяет посвящённых от непосвящённых. — Он сам платит за квартиру. Говорит: «Ты учись, а быт — моя забота. Я же мужчина».

— Вот это да.

— Ага. И по будням мы иногда в ресторан ходим. Он любит меня баловать.

Настя почувствовала, как в горле стало сухо. Она взяла стакан с лимонадом и сделала глоток. Лимонад был тёплый и приторный.

Она вспомнила, как на прошлой неделе они с Артуром сидели на лавочке в парке, потому что денег на кафе у него не было. Как он сказал: «Я бы тебя сводил куда-нибудь, но у меня стипендия только через две недели». Как она ответила: «Ничего, мне и здесь хорошо». И как ей действительно было хорошо — но не потому, что лавочка была удобной, а потому, что он держал её за руку и смотрел так, будто она — целый мир. Но сейчас, слушая Лену, Катю и Вика, она думала: а почему у них получается, а у меня нет? Что со мной не так?

— Насть, а вы с Артуром как? — спросила Аня, и в её голосе было искреннее любопытство.

Настя улыбнулась шире.

— Всё хорошо. Готовимся к сессии.

— А вы не думали съехаться? Вы же уже давно вместе. Пора бы и сделать следующий шаг, — не отставала Аня.

— Думали, — Настя соврала так легко, что сама почти поверила. — Но пока рано. У него учёба, у меня учёба. Мы слишком заняты этим.

— Ну да, — согласилась Лена, и в её голосе проскользнула жалость, замаскированная под понимание. — Это правильно. Сначала диплом, а потом всё остальное.

Настя кивнула. Ей хотелось уйти. Просто развернуться и уйти, но она стояла и улыбалась, потому что признаться в правде было бы поражением, а она не умела проигрывать.

Она отошла под предлогом, что нужно найти Наташу. На самом деле ей нужно было подышать. Она вышла в коридор, где было прохладнее, и прислонилась спиной к стене.

«Он сам платит за квартиру», — прозвучало в голове.

«Он любит меня баловать».

«Розы. Двадцать пять штук».

Она закрыла глаза. Ей хотелось не роз. Ей хотелось, чтобы Артур однажды сказал: «Я всё придумал. Я хочу, чтобы тебе было хорошо». И сделал. Просто что-нибудь сделал.

Но он не делал. Он говорил, что учится. Придумывал постоянно разные отмазки. Говорил, что у него вечно нет денег. Кормил обещаниями. Говорил, что любит. А Настя стояла в коридоре одна, в бордовом платье, и чувствовала себя обманутой. Не им, а собой.

Наташа нашла её сама. Она подошла, держа в руках пластиковый стакан с чем-то похожим на пунш, и лицо у неё было кислое.

— Ну что? — спросила Настя.

— Ничего, — Наташа поморщилась. — Я подходила к трём. К трём, Настя! Один сказал, что у него есть девушка. Второй спросил, не знаю ли я, где тут курят. Третий просто смотрел на меня, как на мебель.

— Может, ты слишком...

— Не начинай, — Наташа отпила из стакана и поморщилась ещё сильнее. — Это пунш? Он ужасен. Я зарегистрируюсь на сайте знакомств.

Настя моргнула.

— На сайте?

— Да. На сайте. Знакомств. Потому что в реальной жизни, видимо, ничего не работает.

— Наташ, это как-то...

— Что? — Наташа резко повернулась к ней. — Что «как-то»? Что в этом плохого? Все так делают. Я хочу найти парня. Нормального. Который будет со мной гулять, дарить цветы, водить в кино. Если для этого нужно скачать приложение — я скачаю приложение и посмотрю, что из этого получится. Я всё равно ничего не потеряю.

Настя молчала. Внутри неё что-то шевельнулось. Мысль, сначала смутная, потом всё более чёткая:

«Если Наташа регистрируется на сайте знакомств, у неё будет много вариантов. Кто-то из них сводит её в ресторан. Кто-то подарит цветы. Кто-то будет писать ей каждый день. И вдруг у неё получится? Вдруг она найдёт того самого, настоящего, который будет платить за квартиру сам и дарить телефоны? И тогда... тогда она будет лучше меня. А я останусь ни с чем».

Настя тут же отогнала эту мысль. Стыдно. Противно. Это же Наташа. Её подруга. Её сестра. Она должна радоваться за неё. Но мысль не уходила. Она сидела где-то на дне сознания, как заноза, и тихо ныла.

— Ты права, — сказала Настя вслух. — Попробуй. Может, там действительно есть нормальные.

— Ага, — Наташа допила пунш и поставила стакан на подоконник. — Только там одни извращенцы и женатые, но попробовать стоит.

Они переглянулись и рассмеялись — коротко, невесело, но это был смех облегчения. Обе устали притворяться, что им весело.

— Пойдём домой? — спросила Наташа.

— Пойдём.

Они вышли из университета в прохладную сентябрьскую ночь. Фонари горели тускло, воздух пах дождём. Настя шла рядом с Наташей, засунув руки в карманы пальто, и смотрела на свои ботинки, которые оставляли мокрые следы на асфальте.

— Ты чего притихла? — спросила Наташа.

— Устала, — соврала Настя.

— Артур не пришёл?

— Не пришёл.

— Почему?

— Завал по гражданскому, — Настя произнесла это ровно, без эмоций, как чужую фразу.

Наташа ничего не сказала. Она просто взяла Настю под руку, и они пошли дальше. В этом жесте было больше поддержки, чем в сотне слов. Но Настя этого не почувствовала. Она думала о другом.

Она думала о Лене, которой подарили двадцать пять роз. О Вике, которая не платит за квартиру. О Кате, у которой новый телефон. О том, как это, наверное, приятно — знать, что тебя балуют. И о том, что она, Настя Ковалёва, добрая, любящая, верная, получает от жизни минимум. Тот самый минимум, который её мужчина оправдывает учебой и безденежьем.

«Почему остальным всё так легко удаётся?» — подумала она.

И тут же, как эхо, пришла вторая мысль: «А что, если Наташа найдёт себе парня раньше, чем я решусь что-то изменить? Что, если он будет лучше Артура? Что, если она выйдет замуж, а я останусь с человеком, который так и не повзрослеет?»

Настя сжала челюсть. Ей было стыдно. Ей было противно от самой себя. Но она ничего не могла с этим сделать.

— Слушай, — сказала Наташа, когда они подходили к дому. — А если серьёзно. Ты счастлива с Артуром?

Настя остановилась. Вопрос был простой. И ответ тоже должен был быть простым.

— Да, — сказала она. — Конечно, счастлива.

Наташа посмотрела на неё внимательно, будто проверяла, верит ли она сама в то, что говорит.

— Ладно, — сказала она наконец. — Тогда хорошо.

Они поднялись по лестнице, открыли дверь, сняли обувь. Квартира встретила их тишиной. Настя прошла в свою комнату, закрыла дверь и села на кровать. Телефон завибрировал. Артур:

«Как праздник?»

Она смотрела на экран долго. Потом набрала: «Нормально. Скучала».

«Я тоже. Завтра увидимся?»

«Давай».

Она отложила телефон и легла, не раздеваясь. Платье смялось, но ей было всё равно. Она смотрела в потолок и думала о том, что завтра снова будет улыбаться, снова будет понимать, снова будет ждать. И что где-то внутри неё растёт усталость — тихая, тягучая, как осенний дождь.

А в соседней комнате Наташа открыла ноутбук и зашла на сайт знакомств. Она смотрела на анкеты незнакомых мужчин и чувствовала, как в груди поднимается робкая надежда. Может быть, здесь. Может быть, сейчас. Может быть, наконец.

Обе они не знали, что этот вечер запустил что-то. Маленькое, незаметное, но необратимое. Зависть — это не гром. Это шёпот. И он уже звучал в обеих комнатах.

Глава 3. Растущая усталость

Прошло две недели. Две недели, которые Настя прожила, как в тумане: лекции, семинары, репетиторство, бессонница. Она просыпалась с тяжестью в груди и засыпала с той же тяжестью. Что-то внутри неё медленно гнило, и она это чувствовала, но не знала, как остановить.

Наташа завела анкету на сайте знакомств. Каждый вечер она сидела с ноутбуком на коленях и листала чужие лица. Иногда смеялась, иногда морщилась, иногда молча закрывала крышку и уходила на кухню пить чай. Настя не спрашивала. Ей казалось, что если она спросит, то придётся признать, что она следит. А она следила. Каждый вечер, лёжа в своей комнате, она прислушивалась к звукам из-за стены и ждала — ждала, что Наташа скажет: «Настя, кажется, я нашла». И боялась этого.

Потому что если Наташа найдёт — что останется Насте?

В четверг Артур написал: «Давай погуляем после пар? Я соскучился». Она ответила: «Давай». И весь день ходила с этим «давай» внутри, как с камнем. Она не хотела гулять. Она не хотела смотреть ему в глаза и делать вид, что всё хорошо. Но она пошла, потому что отказаться значило признать, что что-то сломалось.

Они встретились у входа в парк. Артур стоял, засунув руки в карманы куртки, и улыбался своей мягкой, чуть виноватой улыбкой, от которой у Насти раньше таяло сердце. Сейчас не таяло. Сейчас ей хотелось спросить, чему он улыбается.

— Привет, — он шагнул навстречу и обнял её. Крепко, тепло, как умел. — Ты сегодня какая-то... тихая.

— Устала.

— Пойдём, я тебе кофе куплю. У меня стипендия пришла.

Он сказал это с такой гордостью, будто принёс ей луну. Настя посмотрела на него и ничего не почувствовала.

— Пойдём.

Они взяли кофе в бумажных стаканчиках и пошли по аллее. Листья под ногами были мокрые, тяжёлые, они шуршали глухо, будто уставшие. Артур говорил. Говорил про лекции, про профессора, который валит всех на семинарах, про то, как он устал и как ему тяжело. Настя шла рядом и молчала.

— Настюш, ты вообще меня слушаешь?

— Слушаю.

— Ты какая-то не такая. Что случилось?

— Ничего.

— Настя...

— Я сказала — ничего.

Он остановился. Взял её за руку. Она не ответила на пожатие.

— Настя, я же вижу. Ты как будто не здесь. Ты со мной?

И вот тут — именно в эту секунду, когда он спросил «ты со мной?», — плотина рухнула.

— Нет, — сказала она. — Не с тобой. Я вообще не понимаю, где я и что я делаю.

— В смысле?

— В прямом, Артур. В прямом смысле.

Она выдернула руку и отошла на шаг. Внутри неё поднималась волна, которую она держала две недели, месяц, год. Волна горячая, злая, несправедливая — но её. Её собственная.

— Ты хочешь знать, что случилось? — голос её дрожал. — Хорошо. Я скажу.

— Насть, ты чего...

— Я устала, — она произнесла это слово так, будто выплюнула его. — Я устала, Артур. Я устала от того, что у меня ничего нет. Устала тянуть то, что не должна, на себе. Устала ждать тебя. Устала слышать, что тебе тяжело. Ты знаешь, что мне тоже тяжело? Ты вообще об этом думал?

— Ты о чём вообще? — он растерялся, и от этого его растерянного лица ей стало только хуже. — Я же стараюсь...

— Стараешься? — она рассмеялась, коротко и зло. — Как ты стараешься, Артур? Как? Тем, что приходишь ко мне и ешь мой суп? Тем, что говоришь «прости, завал»? Тем, что ждёшь меня у корпуса без цветов? Ты постоянно с пустыми руками приходишь ко мне!

— Настя, ну какие цветы, я же студент...

— И я студентка! — она почти крикнула. Прохожие обернулись. Ей было всё равно. — Я такая же студентка, как ты! Я тоже устаю, я тоже считаю копейки, но я же не превращаю это в оправдание на всю жизнь! Я беру репетиторство, я работаю, я не ищу себе оправданий, как это делаешь без конца ты!

— Я не превращаю ничего в оправдания...

— Превращаешь! — она шагнула к нему. — Послушай, что я тебе скажу. У моих одногруппниц есть парни. Настоящие. Лена вчера сказала, что ей подарили огромный букет — два-

дцать пять роз, Артур. Двадцать пять! Катя телефон новый получила. Вика вообще с парнем живёт, и он сам платит за квартиру. Сам! А я? Половину за квартиру отдаю я, а другую половину — мои родители. Я не получаю от тебя никакого внимания. Ни внимания, ни заботы. Ничего! Я покупаю себе кофе сама. Я покупаю себе еду сама! Я прихожу домой и сижу одна. И когда я говорю тебе, что мне плохо, ты отвечаешь: «Потерпи, всё будет».

— Я правда верю, что будет...

— Когда?! — она вскинула руки. — Когда будет, Артур? Через год? Через два? Когда ты станешь адвокатом и у нас появятся деньги? А до этого мне что делать? Стоять на лавочке в парке и ждать, пока твоя жизнь начнётся?

Артур молчал. Он смотрел в землю, и его пальцы теребили край стаканчика с остывшим кофе. Он всегда так делал, когда не знал, что сказать, и это бесило Настю больше всего.

— Ты всегда так делаешь, — тихо сказала она. — Всегда. Я говорю тебе что-то важное, а ты молчишь, как будто это не про тебя. Как будто я не про нас говорю, а про погоду.

— Я не знаю, что сказать, — признался он.

— А ты попробуй! Попробуй хоть раз сказать не «потерпи», а «я понял». Попробуй сказать: «Прости, я был не прав». Попробуй сделать хоть что-нибудь, чёрт возьми!

— Настя, я же не могу сейчас... — он поднял глаза, и в них была та самая беспомощность, которую она когда-то принимала за мягкость. — У меня сейчас правда тяжёлый период. Гражданское право, курсач, практика. Я не могу работать. У меня нет времени. Ты же понимаешь...

— Опять, — она закрыла глаза. — Опять «ты же понимаешь». Я понимаю. Я всё понимаю. Я понимаю тебя весь год. А ты меня хоть раз понял?

— Я тебя люблю, — сказал он, и это прозвучало так жалко, что Настя почувствовала, как к горлу подкатывает ком.

— Любовь — это не слова, Артур. Любовь — это когда человек делает. Ты знаешь, что я хочу? Я хочу прийти домой и знать, что мне не надо думать о деньгах. Хочу, чтобы мне подарили цветы не на праздник, а просто так. Хочу поехать на выходные за город, а не сидеть на лавочке. Хочу пойти в кино, на выставку, в кафе, в театр, да хоть куда! Хочу, чтобы кто-то однажды сказал: «Я всё решил, тебе не надо ни о чём беспокоиться». Это так много? Это правда так много?

— Нет, — сказал он тихо. — Не много.

— Тогда почему ты этого не делаешь? Хотя бы минимум из всего этого?

Он не ответил. Он стоял, сжимая в руке пустой стаканчик, и Настя вдруг увидела его — по-настоящему. Мальчика. Хорошего, доброго, любящего мальчика, который ещё не понял, что мир не ждёт, пока он повзрослеет.

— Я чувствую себя несчастной, — сказала она и сама удивилась, как просто это прозвучало. — Я не должна так чувствовать себя. Мне двадцать лет, а не пятнадцать. У меня должна быть любовь, а не это. А я чувствую себя так, будто я тащу нас обоих на себе. И я устала, Артур. Правда устала. Такое ощущение, что у меня нет парня. Ты как будто есть и как будто тебя нет. Ты просто фоном...

Он шагнул к ней, попытался обнять.

— Настюш...

— Не надо, — она отстранилась. — Пожалуйста, не надо. Я не хочу, чтобы ты меня успокаивал. Я хочу, чтобы ты меня услышал.

— Я слышу.

— Нет. Ты слышишь слова, но не слышишь меня.

Они постояли ещё минуту. Потом Настя повернулась и пошла. Он не догнал её. Он стоял и смотрел, как она уходит по аллее, и в его груди что-то медленно умирало — то ли надежда, то ли страх.

Домой она пришла разбитая. Открыла дверь, сняла ботинки, прошла в свою комнату и закрыла её. Не заплакала. Просто легла на кровать лицом вверх и уставилась в потолок.

А в соседней комнате сидела Наташа. Она заметила всё. Наташа сидела с ноутбуком на коленях, открытым на сайте знакомств, и понимала, что между ними с Артуром что-то сегодня произошло.

И где-то на самом дне её души, в том тёмном углу, куда она старалась не заглядывать, шевельнулось что-то тёплое. Мерзкое, но тёплое: «Значит, у неё не всё так хорошо, как она показывает».

Наташа тут же отогнала эту мысль. Стыдно. Это же Настя. Её подруга. Она страдает.

Но мысль вернулась. Тихая, настойчивая, как капли воды по стеклу: «Она всё время говорила, что у неё есть любовь. А у меня ничего. А теперь выходит, что и у неё ничего? Или у неё всё-таки есть? Он же её любит. Он же бежит за ней. Значит, у неё больше, чем у меня».

И тут же, следом, ещё одна: «А если она бросит его — у неё останется ничего. Как у меня».

Наташа закрыла ноутбук. Руки у неё чуть дрожали, и она не понимала, от чего: от сочувствия, от зависти или от того, что эти два чувства спутались в один клубок и она больше не могла отличить одно от другого.

Она встала, подошла к стене и приложила к ней ладонь. За стеной было тихо. Она хотела постучать. Хотела войти, обнять, сказать: «Настя, я всё знаю, я рядом». Она даже подняла руку. И опустила.

Потому что если она войдёт и скажет «я рядом», Настя может спросить: «А ты что думаешь?» И Наташе пришлось бы соврать. Или сказать правду. А правда была такой, что Наташа сама не знала, чего хочет больше: чтобы у подруги всё наладилось — или чтобы у неё всё сломалось и они снова стали равны.

Она вернулась на кровать и открыла ноутбук. Анкеты, лица, сообщения. Она листала их быстрее, чем обычно, будто торопилась куда-то. Будто боялась, что если остановится, то придётся думать.

А за стеной Настя лежала всё так же, лицом вверх, и в её глазах не было слёз. Только пустота.

«Он не понял, — думала она. — Он вообще ничего не понял. Он опять сказал, что у него тяжёлый период. Он опять сказал, что всё будет. Он опять сказал, что любит».

Она перевернулась на бок и обняла подушку.

«А я? — спросила она себя. — Я что сказала? Я сказала всё, что хотела, и мне не стало легче. Мне стало хуже. Потому что теперь я знаю точно: он не изменится. Он будет ждать, что я потерплю. А я не хочу терпеть».

Телефон завибрировал. Артур.

«Прости. Ты права. Я подумаю, как это исправить. Я тебя очень люблю».

Настя прочитала. Перечитала. И не ответила.

Она лежала и думала о том, что впервые за весь год не захотела написать ему «я тоже». Не потому, что не любила. А потому, что устала доказывать себе, что этой любви достаточно.

За стеной Наташа листала анкеты. В её комнате горел свет. В Настинной — нет.

Две комнаты. Две девушки. Одно и то же одиночество, только разной формы. И где-то между ними, в этой тонкой стене, которая их разделяла, росла трещина. Пока маленькая. Пока незаметная. Но она уже была.

Глава 4. Пельмени на двоих

Пятница. Наташа сидела на кухне, поджав ноги на табуретку, и смотрела в телефон так, будто там решалась её судьба. Настя варила макароны и искоса поглядывала на подругу.

— Ты уже полчаса на него смотришь, — сказала она. — Он что, предложение сделал?

— Почти, — Наташа оторвала взгляд от экрана и улыбнулась. Улыбка была настоящая, редкая. — Его зовут Кирилл. Ему двадцать пять. Работает в логистике. Мы вчера всю ночь переписывались.

— Всю ночь?

— До трёх.

— Наташ, ты же так не будешь выспаться.

— Зато я впервые за месяц почувствовала, что кому-то интересна, — Наташа снова уткнулась в телефон. — Он пишет с юмором. И он не спрашивает, есть ли у меня сиськи, а спрашивает, какие книги я читаю.

— Тогда это уже что-то.

— Мы договорились встретиться в субботу, — Наташа сказала это буднично, но глаза её горели. — Я хочу сходить с ним в кафе. Знаешь, как в кино. Столик у окна, свечи, кофе. Это так романтично...

— Звучит хорошо.

— Ага, — Наташа улыбнулась и спрятала телефон в карман. — Звучит действительно хорошо.

Настя помешала макароны и ничего не сказала. Внутри неё шевельнулось что-то знакомое, липкое. То самое чувство, от которого хотелось отмахнуться, как от мухи. Она не должна так думать. Наташа радуется. Это хорошо. Это же её подруга.

— Я так хочу, чтобы всё получилось, — тихо сказала Наташа, и Настя поняла: это не просто слова. Это молитва.

— Получится, — ответила Настя. — Ты у меня красивая и умная. Найдёте, о чём поговорить.

— Спасибо, — Наташа улыбнулась и ушла в свою комнату. — Пойду выберу, что надеть.

Настя осталась на кухне одна. Макароны кипели, вода шипела на плите, а она стояла и смотрела на клубы пара, поднимающиеся к потолку. И думала о том, что завтра, в субботу, у Наташи, возможно, начнётся что-то. Что-то настоящее. А у неё? У неё тоже была суббота. И Артур. Который напишет в двенадцать: «Привет, как дела?». Который придёт в три. Который скажет: «Денег нет, но я так соскучился».

Она тряхнула головой и выключила плиту.

В субботу Наташа встала в девять. Это было подозрительно рано для человека, который ложится в три. Настя слышала, как она ходит по комнате, открывает шкаф, закрывает, снова открывает. Потом — душ. Потом — фен. Потом — снова шкаф.

— Ты там целая? — крикнула Настя через стену.

— Не мешай! Я не могу выбрать!

В половине двенадцатого Наташа вышла в коридор. Бежевое платье, аккуратный хвост, лёгкий макияж. Она выглядела так, будто её нарисовали с картины.

— Ну как? — спросила она, поворачиваясь.

— Красиво. Очень.

— Не слишком? Может, слишком нарядно для кафе?

— Наташ, ты идёшь на свидание. Это нормально — выглядеть красиво.

— Да, — Наташа выдохнула. — Да. Я иду на свидание. Не могу этому поверить.

Она ушла в час. Настя осталась дома. Она села на диван с книгой, но не читала. Она прислушивалась к тишине и ждала. Ждала сообщения. Не от Артура, а от Наташи: «Как всё прошло? Где вы? Он как?» Она сама себя ненавидела за это, но всё равно ждала.

В пять часов пришло сообщение: «Кафе не получилось. Он написал, что хочет приготовить ужин у нас. Придёт в семь. Не знаю, что делать. Я согласилась».

Настя прочитала и замерла. Приготовить ужин. У нас. Дома. На втором свидании.

«Ты не против?» — прилетело следом.

Настя смотрела на экран и думала. Думала о том, что это странно. Что это не то, чего хотела Наташа. Что это уже не свидание, а что-то другое — быстрое, ленивое, без усилий.

Она набрала: «Ты уверена?»

«Не знаю. Но может быть, это будет романтично? Он сказал, что удивит меня».

Настя вздохнула: «Тогда давай. Я уйду к себе, чтобы не мешать вам».

«Спасибо!»

Настя отложила телефон и посмотрела в окно. На улице темнело. Она вдруг поняла, что улыбается. Тихо, одними губами. И тут же улыбка исчезла, потому что она поняла, чему именно она улыбается.

Кирилл пришёл в семь. Настя слышала звонок, слышала, как Наташа открыла дверь, слышала мужской голос — низкий, спокойный. Потом — шаги на кухне. Потом — смех.

Она сидела в своей комнате, закрыв дверь, и слушала. Не потому, что хотела подслушивать. Просто стены были тонкими. Просто она не могла не слушать.

— О, привет, — это был голос Кирилла. — Ух ты, как красиво и уютно у вас.

— Спасибо, — Наташа говорила чуть выше обычного, напряжённо. — Я думала, мы в кафе пойдём...

— Ну зачем нам это кафе? — Кирилл засмеялся. — Кафе — это деньги на ветер. Я лучше сам приготовлю. Ты садись, отдыхай.

Пауза. Настя слышала, как хлопнул пакет.

— Это что? — спросила Наташа.

— Пельмени. Хорошие, «Сибирские». Я всегда беру, — ещё один смешок. — Ты не смотри, что я такой, я готовить вкусно умею.

— Пельмени?

— А что? Вполне себе нормальная еда. Мясо, тесто. Всё есть. Сейчас сварим и поедим спокойно.

Настя закрыла глаза. Она представила лицо Наташи в этот момент. И снова — где-то в самом низу, там, где было темно и стыдно, — что-то потеплело. Она отогнала это, но тепло осталось.

На кухне шёл разговор. Настя не встала со своей кровати, но слышала всё: как закипела вода, как зашуршали пакеты, как Кирилл что-то рассказывал. Он рассказывал много: про работу, про машину, про то, как устал от начальника, про то, что у него был друг, который уехал в другой город.

— А ты? — спросил он. — Ты чем занимаешься?

— Учусь на журналиста.

— А, — сказал Кирилл. — Это хорошо. Журналисты сейчас везде нужны.

— Да, — Наташа помолчала. — Я хочу писать тексты. Настоящие. Чтобы люди читали и задумывались.

— Ага, — сказал Кирилл.

И больше про это не спросил ничего. Ни про её статьи, ни про редакцию, ни про то, что она любит. Просто перешёл к тому, что сегодня в магазине не было хлеба.

Настя слышала, как Наташа замолчала. Долго молчала. Минуты три. Только ложки стучали о тарелки.

— Вкусно, — сказала Наташа, наконец.

— А то, — отозвался Кирилл.

Они ели. Потом Кирилл говорил про футбол. Потом про свою бывшую. Потом про то, что ему надо рано вставать.

В восемь тридцать он сказал:

— Ну всё, мне пора.

— Уже? — тихо спросила Наташа.

— Ага. Завтра смена. Спасибо за компанию. Пельмени были хорошие.

— Это ты принёс.

— Точно, — он засмеялся. — Тогда спасибо мне.

Настя услышала, как открылась входная дверь. Как она закрылась. Как Наташа осталась стоять в коридоре одна.

Тишина. Долгая. Очень долгая.

Настя выждала десять минут. Потом вышла. Наташа сидела на кухне, пельмени остывали в тарелке, чай не тронут, телефон лежал экраном вниз.

— Наташ?

— Ага, — Наташа не подняла глаз. — Что?

— Как всё прошло?

— Хорошо, — сказала она и вдруг засмеялась. Смех был короткий и сухой, как треск сухой ветки. — Прекрасно. Просто прекрасно, Настя. Он пришёл, принёс пельмени, сварил их, поговорил про работу и футбол и ушёл. Всё на этом.

— Может, он просто стеснялся.

— Стеснялся чего? — Наташа подняла глаза. В них не было слёз, а была лишь пустота. — Стеснялся меня куда-то пригласить? Стеснялся спросить, что я люблю? Стеснялся остаться дольше, чем на полтора часа?

— Наташ...

— Он даже не написал после, — Наташа взяла телефон и показала экран. Пустой чат. Последнее сообщение от неё: «Спасибо за вечер!». Прочитано. Ответа нет.

— Может, он занят.

— Он не занят, Настя, — Наташа положила телефон обратно. — Он просто не хочет. Всё. Точка.

Она встала и вылила чай в раковину. Потом взяла тарелку с пельменями и выбросила их в мусорку. Один за другим. Медленно, аккуратно, будто хоронила.

Настя молчала. Она должна была сказать что-то поддерживающее. Должна была обнять. Должна была сказать: «Он не стоит тебя, ты найдёшь лучше». Она знала правильные слова. Они лежали у неё на языке, готовые. Но сначала — на одну секунду, на одну короткую секунду — она подумала: «Не получилось. У неё не получилось. Значит, всё как было. Значит, мы равны».

И эта мысль была такой приятной, что она испугалась.

— Наташ, — сказала она вслух, и голос прозвучал искренне. — Он идиот, правда. Ты достойна большего.

— Да? — Наташа обернулась. — А чего я достойна, Настя? Скажи мне. Вот конкретно. Чего?

— Ну... — Настя растерялась. — Любви. Внимания. Чтобы тебя водили куда-то, чтобы ухаживали, чтобы дарили тебе цветы.

— Чтобы дарили цветы, — повторила Наташа. — Знаешь, что я поняла сегодня? Я поняла, что все эти сайты, все эти переписки — это мусор. Абсолютный мусор. Мужчины там ищут одно.

— Что?

— Дешёвое, — Наташа усмехнулась. — Дешёвое и без обязательств. Пельмени сварил — и свободен. Никаких усилий, никаких денег, никакой ответственности.

Настя села напротив. Она смотрела на Наташу и видела, как в её глазах что-то меняется, что-то твердеет.

— Я больше так не буду, — сказала Наташа.

— Как?

— Так. Я больше не буду тратить время на тех, кто не готов вкладываться в меня. — Она подняла палец. — Слушай меня внимательно. С этого дня у меня будет одно правило: если парень хочет меня — он вкладывается финансово. Вот и всё.

— Финансово? — Настя моргнула.

— Да. Подарки, кафе, цветы, поездки. Всё. Я не буду больше сидеть на лавочке и есть пельмени за сто рублей. Я хочу, чтобы за меня платили. Я хочу, чтобы меня водили в хорошие места. Я хочу, чтобы я чувствовала, что я ценна.

— Наташ, это как-то...

— Это нормально, — отрезала Наташа. — Это нормально, Настя. Скажи мне, что в этом плохого? Если мужчина хочет женщину — он должен за неё бороться. Он должен показать, что она для него что-то значит. Как он это покажет? Словами? Слова — это дёшево. Пельмени — это дёшево. А вот когда он достаёт кошелек и говорит: «Я хочу тебя куда-нибудь сводить», — вот тогда я понимаю, что он серьёзен по отношению ко мне.

Она говорила быстро, с жаром, будто кто-то спорил с ней, но спорил только воздух.

Настя слушала и вдруг поняла, что согласна с каждым словом.

— Ты права, — сказала она тихо.

Наташа остановилась.

— Что?

— Я говорю, что ты права. Я тоже так думаю. Уже давно.

Они посмотрели друг на друга. Долго. И в этом взгляде было что-то новое — не поддержка, не солидарность, а что-то более тёмное. Договор. Договор двух женщин, которые устали быть удобными.

— Тогда почему ты с ним? — спросила Наташа.

Настя не ожидала этого вопроса. Он ударил её под дых.

— С кем?

— С Артуром. Он же ничего тебе не даёт. Ты сама говорила. Ему даже на подработку устроиться трудно, он вечно ленится, он даже один цветок тебе подарить не может. Вернее, не хочет.

— Он меня любит.

— И что? — Наташа склонила голову. — Что с того, что он тебя любит? Ты платишь за квартиру половину, а другую половину платят твои родители. Ты покупаешь себе еду сама. Ты сидишь дома одна и никуда не выбираешься. Ты постоянно возвращаешься с учёбы расстроенная. Ты подрабатываешь. Что он тебе даёт? Любовь? Любовь нельзя съесть. Это просто слова, Настя. Он не доказывает тебе свою любовь поступками. Говорить о своих чувствах может каждый, потому что это слишком легко. А вот делать будет только тот, для кого ты действительно значима.

Настя молчала. Внутри неё что-то металось. Она хотела защитить Артура, хотела сказать, что он хороший, что он старается, что он не виноват, что ему тяжело, но слова не шли. Потому что где-то в глубине, в том самом тёмном углу, сидела мысль, которую она прятала даже от себя: «А что если Наташа права? Что если я просто боюсь что-то изменить в своей жизни?»

— Я не могу уйти, — сказала она наконец.

— Почему?

— Потому что... — она сглотнула. — Потому что я не знаю, кто я без него. Мы два года вместе. Я не помню, как это — быть одной. И я боюсь, что если я уйду, то останусь совсем одна.

Наташа ничего не сказала. Она встала, подошла к Насте и обняла её крепко, по-настоящему.

— Ты не останешься одна, — сказала она. — У тебя есть я.

Настя уткнулась ей в плечо, и на секунду ей стало легче. На одну короткую секунду.

Потом они разошлись по комнатам. Настя легла на кровать и посмотрела в потолок. В голове было пусто и гулко.

Телефон завибрировал. Артур.

«Привет, ты как? Я сегодня весь день про тебя думал. Прости за тот разговор. Я всё понял. Я исправлюсь. Люблю тебя».

Она смотрела на эти буквы и чувствовала, как в груди сжимается что-то тёплое, привычное, родное.

«Я тоже тебя люблю» — напечатала она.

И тут же, следом, пришла другая мысль. Не про Артура, а про Наташу.

Она сказала: вкладываться финансово. Значит, она теперь будет искать таких. Значит, если она найдёт — у неё будет всё: цветы, кафе, подарки, поездки. Всё, чего у меня нет. И тогда она будет лучше меня.

Настя закрыла глаза и прижала телефон к груди: «А я не могу уйти, потому что я его люблю, потому что без него я никто».

Она перевернулась на бок.

В соседней комнате Наташа тоже лежала без сна. Она смотрела в потолок и повторяла про себя, как мантру: «Он должен вкладываться. Только тот, кто вкладывается. Только тот, кто вкладывается».

Обе они не спали. Обе думали об одном и том же. И ни одна из них не знала, что уже завтра, когда придёт новый день, всё это — и пельмени, и слова, и обьятия — начнёт работать против них. Против их дружбы. Против них самих.

Глава 5. Чужие цветы

Осень перешла в ноябрь незаметно, как это всегда бывает: сначала ты ещё ходишь в лёгкой куртке, потом однажды утром выходишь и понимаешь, что воздух стал стеклянным. Дни стали короткими, серыми, похожими один на другой. Но в квартире Насти и Наташи появилось то, что раньше не появлялось никогда, — цветы.

Первые розы Наташа принесла в конце октября. Красные, крупные, на длинных стеблях, завернутые в прозрачную плёнку с блестящей лентой. Она поставила их в единственную вазу, которая нашлась на кухне, — обычную стеклянную банку из-под консервов — и поставила на подоконник в гостиной.

Настя вышла утром и остановилась.

— Откуда это?

— Свидание, — Наташа пила кофе, стоя у окна. Она выглядела спокойной, слишком спокойной. — Вчера ходила в итальянский ресторан на набережной с одним мужчиной с сайта знакомств.

— В ресторан? — Настя взяла банку и понюхала цветы. Запах был густой, сладкий, почти приторный. — И как?

— Нормально, — Наташа пожала плечами. — Поговорили, вкусно поели. Он заплатил.

— Заплатил за вас двоих?

— Ага, — Наташа отпила кофе. — Восемь тысяч за двоих. Я даже не смотрела в меню. Просто сказала, что хочу пасту с трюфелем.

Настя поставила банку обратно. Внутри неё что-то сжалось. Трюфель. Она не знала, что это такое. Она ела пасту с сыром — и то по праздникам.

— А он кто?

— Программист. Тридцать два года. Разведён.

— И?

— И ничего, — Наташа поставила чашку. — Проводил до подъезда, поцеловал в щёку и уехал.

— А цветы?

— Цветы — это минимум, Настя, — Наташа посмотрела на неё, и в её взгляде было что-то новое, твёрдое. — Я же говорила, что если он хочет — он вкладывается. Восемь тысяч — это его вклад.

Настя ничего не сказала. Она налила себе чай и села напротив. Розы стояли между ними — красные, наглые, чужие.

Прошла неделя, розы завяли, и Наташа выбросила их без сожаления. А через три дня принесла пионы. Розовые, пышные, нежные — ноябрьские пионы, которые стоили, наверное, как половина Настиной стипендии.

— Это откуда? — спросила Настя.

— Сходила в кино, — Наташа поставила букет в ту же банку. — Потом в кафе. Он, кстати, в IT. Не тот, это уже другой мужик.

— Другой?

— Ну да, — Наташа улыбнулась. — Я же не говорю, что я с одним буду ходить на свидания.

— И как?

— По-разному, — Наташа села на диван и вытянула ноги. — Один водил в театр. Скучный, но щедрый. Второй — в ресторан на крыше. Красивый, но глупый. Третий вообще повёл в парк и купил два хот-дога.

— И что ты сделала?

— Съела хот-дог, — Наташа засмеялась. — А потом написала ему, что мы не подходим друг другу. Он обиделся и написал, что я меркантильная.

— А ты?

— А я ответила: «Да. И что?»

Настя рассмеялась. Настоящим смехом, который на секунду согрел кухню. Ей нравилось, как Наташа говорит. Ей нравилось, что Наташа не боится. Ей хотелось быть такой же.

А потом она пошла в свою комнату и села на кровать, и смех закончился.

Артур приходил по субботам. Раз в неделю, иногда реже. Он приходил с рюкзаком, в котором лежали конспекты, и как всегда с пустыми руками. Он целовал Настю в щёку, спрашивал, как дела, и садился на кухню, потому что на кухне было тепло.

Цветы в вазе он замечал всегда. Он смотрел на них — красные, потом розовые, потом белые, потом снова красные — и ничего не говорил. Молчал так, будто их не было. Будто это была мебель. Будто это не имело к нему никакого отношения.

В ту субботу Настя не выдержала.

— Артур.

— М?

— Ты видишь цветы?

Он поднял глаза от телефона.

— Вижу.

— И что?

— Что «что»? — он отложил телефон. — Красивые.

— Это не мои цветы.

— Я знаю. Они Наташины.

— Да, — Настя скрестила руки на груди. — Наташины.

Пауза. Она ждала. Он молчал.

— И тебе нечего сказать? — спросила она.

— А что я должен сказать, Настюш? — он вздохнул. — Это её цветы. Она их заслужила.

— Заслужила? — Настя прищурилась. — Интересное слово.

— Ну, в смысле, ей подарили. Она ходит на свидания, мужчины дарят ей цветы. Это нормально.

— Нормально, — повторила Настя. Она чувствовала, как в груди поднимается та самая волна разочарования, обиды и гнева. — А ты? Ты мне когда последний раз дарил цветы?

— Настя...

— Когда, Артур?

— Я не помню.

— И я не помню. Потому что этого не было никогда.

Он смотрел на неё и молчал. Он всегда молчал в такие моменты. Он будто ждал, что гроза пройдёт сама.

— Знаешь, что самое обидное? — Настя встала. — Не то, что ты не даришь их мне. А то, что ты даже не замечаешь, что не даришь. Ты смотришь на эти цветы и думаешь: «Ну и что? Это же не про меня». А это про тебя, Артур. Это всё про тебя.

— Настя, ну зачем ты так...

— А как надо? — она повысила голос. — Как надо, чтобы ты понял? Мне что, чужого мужика попросить, чтобы он тебе объяснил такие простые вещи?

— Не говори ерунды.

— Это не ерунда! — она ударила ладонью по столу. Чашка подпрыгнула. — Наташа ходит на свидания, и ей дарят цветы. Каждый раз, понимаешь? Каждый раз. А я сижу здесь и жду тебя. И ты приходишь. И приносишь... — она обвела рукой пустой стол. — Ничего. Даже к чаю ничего принести мне не можешь. Просто сидишь и нагло ешь то, что я приготовила. А приготовила я всё это на свои же деньги, Артур. Разве сложно хотя бы мне что-то сладкое к чаю купить? Ты ведь даже таких мелочей не делаешь!

Артур опустил голову. Он смотрел на свои руки, и Настя вдруг увидела, как он устал. Не физически, а глубже. Как человек, который знает, что должен что-то сделать, но не знает как.

— У меня правда нет денег, — сказал он тихо.

— Дело не в деньгах! — она почти кричала. — Один цветок стоит сто рублей! Один! Ты можешь купить мне один цветок за сто рублей? Можешь? Или это тоже неподъёмно? Ты не можешь купить мне шоколадку за шестьдесят рублей? Это что, настолько невозможно?!

— Могу.

— Тогда почему не покупаешь?!

— Я... — он замолчал. Потом сказал ещё тише: — Я не думаю об этом, вот честно. Я не думаю.

Настя замерла.

— Ты не думаешь...

— Да. Я прихожу к тебе, потому что хочу тебя видеть. И мне хорошо. И я не думаю про цветы и сладости. Я думаю про то, что мы вместе, и мне этого достаточно.

— А мне недостаточно, — сказала она, и это прозвучало как приговор. — Мне, Артур, недостаточно.

Он поднял на неё глаза. В них было столько боли, что она на секунду пожалела о своих словах.

— Я исправлюсь, — сказал он. — Я обещаю. Я найду подработку. Я всё исправлю.

— Ты уже обещал мне это много раз.

— Я знаю. Но теперь точно.

— Когда?

— Скоро. Как только на учёбе станет легче, я пойду работать.

— Когда именно?

— Настя...

— Когда, Артур?

Он не ответил. И она поняла, что он не знает. Что он живёт в том самом «скоро», которое никогда не наступает.

Она села обратно. Взяла чашку и отпила. Чай был холодный.

— Я тебя люблю, — сказала она. — Правда, но я так больше не могу.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего. Я ничего не хочу сказать. Я устала говорить тебе одно и то же.

Он протянул руку через стол и накрыл её ладонь. Она не отняла.

Так они сидели, пока не стемнело.

В один из декабрьских дней Наташа пришла поздно. Настя слышала, как открылась дверь, как она сняла сапоги, как прошла на кухню. Потом — тишина. Долгая.

Настя вышла.

Наташа сидела на табуретке, сняв пальто, но не сняв шапку. В руках у неё был букет — белые хризантемы. Она держала их так, будто не знала, зачем они у неё.

— Наташ?

— Ага, — Наташа не подняла глаз.

— Ты чего?

— Ничего.

Настя села напротив. Она смотрела на подругу и видела: что-то не так, что-то сломалось.

— Расскажи.

— Да нечего тут рассказывать, — Наташа положила хризантемы на стол. — Свидание, ресторан. Он заплатил, потом повёз за город. У него там дом.

— И?

— И всё, — Наташа сняла шапку и бросила её на стол. — Всё, Настя. Он хотел одного, и я дала. Он отвёз меня домой, купил цветы по дороге. Вот.

Пауза.

— Ты... — Настя подбирала слова. — Ты не хотела?

— Какая разница? — Наташа усмехнулась. — Хотела, не хотела. Он заплатил за ужин, он вложился. Значит, я должна.

— Ты ничего не должна.

— Должна, — Наташа посмотрела на неё. В глазах — усталость. — Так работает, Настя. Если он платит — ты отдаёшь. Иначе в следующий раз он не позвонит. А я хочу, чтобы позвонил. Потому что если не он, то кто?

Настя молчала. Она не знала, что сказать. Она хотела сказать «ты не обязана», но понимала: это неправда. В том мире, куда Наташа вошла, всё было именно так. Ты берёшь — ты платишь. Только платишь не деньгами.

— Тебе было плохо?

— Мне было пусто, — Наташа произнесла это спокойно, будто говорила о погоде. — Как будто я не я. Как будто это не моё тело. Я смотрела в потолок и думала: «Что я здесь делаю?»

— Тогда зачем?

— Потому что я хочу цветы, — Наташа показала на хризантемы. — Потому что я хочу рестораны. По

тому что я хочу, чтобы кто-то вкладывался в меня. А за это надо платить. По-другому не бывает.

— Бывает.

— Покажи мне, — Наташа вскинула бровь. — Покажи мне хоть одного, кто даёт просто так. Просто потому, что любит, без условий.

Настя открыла рот — и закрыла. Потому что единственный, кто приходил ей в голову, был Артур. А Артур не давал ничего, кроме слов.

— Вот, — сказала Наташа. — Так и я думала.

Она встала, взяла хризантемы и поставила их в банку. Потом ушла в свою комнату. Дверь закрылась.

Настя осталась на кухне одна. Она смотрела на белые цветы и чувствовала, как внутри неё борются два чувства: жалость к Наташе — и зависть. Чёрная, липкая, стыдная.

Она была с мужчиной, она получила цветы, она была в ресторане. Да, ей было пусто. Но у неё было. У неё было хоть что-то.

«А у меня что есть?»

Она пошла к себе и легла. Телефон завибрировал. Артур.

«Спокойной ночи, солнце. Люблю тебя. Завтра позвоню».

Она смотрела на экран.

«Спокойной ночи».

И больше ничего. Потому что «люблю» она уже не могла написать. Не потому, что не любила, а потому, что это слово стало пустым. Как «скоро», как «потерпи», как «я исправлюсь».

Шли недели. Наташа продолжала ходить на свидания. Иногда возвращалась с цветами, иногда — с пустыми руками, иногда — с красными глазами. Она училась. Она начала разбираться: этот — жадный, этот — женатый, этот — просто ищет развлечение. Она отмечала галочки в голове и шла дальше.

Однажды она принесла домой коробку конфет. Дорогих, в золотой упаковке.

— Откуда? — спросила Настя.

— Снова свидание. Он оказался нормальным. Не повёз в ресторан, но купил конфеты. Мы гуляли три часа и разговаривали.

— И?

— И ничего, — Наташа улыбнулась. — Он не перезвонил, но конфеты вкусные.

Настя взяла одну. Шоколад таял на языке, и ей было вкусно и обидно одновременно.

— Знаешь, что я поняла? — сказала Наташа. — Что даже если не получается — всё равно что-то остаётся: цветы, конфеты, вечер, воспоминание. А если сидеть дома и ждать — не остаётся ничего.

Настя ничего не сказала. Она доела конфету и пошла в свою комнату. Там она села на кровать и посмотрела на стену. За стеной Наташа включила музыку — тихое, что-то спокойное.

Она права. Она права, чёрт возьми.

Настя взяла телефон и открыла переписку с Артуром. Она листала вверх. Месяцы сообщений. «Люблю». «Скучаю». «Прости». «Я исправлюсь». «Потерпи». «Скоро».

Она листала и листала, и вдруг поняла: за два года — ни одного «я купил». Ни одного «я забронировал». Ни одного «я придумал». Только слова, только обещания, только воздух.

Она закрыла переписку.

За стеной играла музыка. Настя легла и закрыла глаза: «А что если я тоже так могу? Что если я тоже могу ходить на свидания? Что если я тоже могу получать цветы? Что если...»

Она остановила себя на этой мысли, потому что дальше была другая мысль, которую она боялась:

«Что, если я могу без него?»

Она перевернулась на другой бок и накрылась одеялом с головой.

В соседней комнате Наташа сидела на кровати и смотрела на свой телефон. Новое сообщение. Новый мужчина. Новое «привет, как дела?». Она улыбнулась, но улыбка была усталой. Она тоже думала о том, что у неё есть цветы, но нет любви, о том, что Настя жалуется на Артура, но у неё есть хоть кто-то, о том, что они обе застряли — только в разных ямах.

Она набрала ответ, потом удалила, потом набрала снова и нажала «отправить».

А в квартире стояли цветы: красные розы, розовые пионы, белые хризантемы. Они стояли в банках из-под консервов, и пахли сладко, и медленно умирали, как умирает всё, что было сорвано не вовремя.

Глава 6. Одна роза

Декабрь выдался снежным. Город укрыло ещё в первых числах, и теперь всё вокруг — улицы, крыши, ветки — было белым, чистым, будто кто-то нарочно припорошил все грехи уходящего года. Витрины уже светились гирляндами, на площадях ставили ёлки, продавцы на рынке зазывали покупателей мандаринами. До Нового года оставалось три недели. Три недели, которые в квартире на пятом этаже тянулись медленно, как никогда.

Наташа изменилась. Настя не могла поймать момент, когда именно это произошло. Может быть, в тот вечер с белыми хризантемами, когда она сидела на кухне в шапке и не могла поднять глаз. Может быть, позже. Но что-то в ней затвердело — как гипс, который сначала мягкий, а потом становится камнем.

Она больше не отвечала сразу. Не соглашалась на первое предложенное место. Не говорила «давай» через десять минут после знакомства. Она писала коротко, ровно, без лишних смайликов, и ждала.

— Ты чего такая холодная? — спросила Настя как-то утром, заглянув ей через плечо. На экране висело сообщение от мужчины: «Ну так что, увидимся сегодня?»

— А что не так? — Наташа отложила телефон.

— Ты ему не ответила, а уже два часа.

— И что?

— Он же ждёт.

— Пусть ждёт, — Наташа пожала плечами. — Я не обязана отвечать, когда ему удобно.

Настя налила себе чай и села напротив.

— Наташ, а если он обидится и не позвонит?

— Значит, не мой, — Наташа посмотрела на неё спокойно. — Слушай, я поняла одну вещь. Если мужчине нужна женщина — он не будет торопить. Он будет ждать, он будет искать встречи, он будет вкладываться. А если ему нужно только тело — он сбежит после первого «нет».

— И много таких сбежало?

— Много, — Наташа усмехнулась. — За последний месяц — шестеро.

— Шестеро?!

— Шестеро. Один написал, что я «неадекватная». Другой — что я «меркантильная». Третий вообще обозвал меня «продажной».

— И ты?

— И я ничего, — Наташа отпила кофе. — Сначала было обидно. Первые два раза я сидела и плакала. Думала: может, я правда такая? Может, я слишком много хочу? А потом поняла: нет. Я хочу ровно столько, сколько стоит нормальное отношение ко мне.

Она поставила чашку и посмотрела Насте прямо в глаза.

— Ты знаешь, что мне один написал? «Ты думаешь, что ты королева?» А я ответила: «Я не думаю. Я знаю, чего стою. Если тебе дорого — иди мимо».

Настя рассмеялась. Но смех вышел коротким, будто споткнулся.

— И что, помогает?

— Пока не очень, — призналась Наташа. — Мужчины либо женатые, либо жадные, либо просто хотят переспать и исчезнуть. Я перестала отдаваться сразу. И знаешь, что странно?

— Что?

— Я стала себя больше уважать, правда. Даже когда никто не звонит и не пишет, даже когда сижу одна в субботу вечером. Я чувствую, что я — это я, а не чья-то игрушка.

Настя промолчала. Она смотрела на Наташу и думала о том, что та говорит вещи, о которых она сама боится даже подумать.

— А если никто так и не найдётся? — спросила она тихо.

— Тогда я буду одна, — Наташа пожала плечами. — Но зато буду себя уважать. А это, Настя, дороже всяких цветов.

Она встала и ушла в свою комнату. Настя осталась на кухне одна, глядя на банку с водой, в которой уже неделю не было цветов: «Она права. Она права, чёрт возьми. Но я так не могу. Я не могу быть одна».

Артур пришёл в субботу. Как всегда — с рюкзаком, в куртке, из которой давно вырос, с виноватой улыбкой человека, который знает, что пришёл с пустыми руками, но надеется, что это не заметят.

Он вошёл, снял ботинки, повесил куртку, стряхнул с плеч снег, прошёл на кухню. Настя сидела за столом, листала конспект, который не читала уже полчаса.

— Привет, — он поцеловал её в щёку. — Ты как?

— Нормально.

— Я соскучился.

— Я тоже.

Он сел напротив. Минуту молчал, потом полез в рюкзак — медленно, с той особой торжественностью, которая обычно означает, что человек готовится произнести что-то важное.

— Слушай, — сказал он. — Я тут... в общем. Я знаю, что ты говорила про цветы. И я подумал. Ну, что ты права. Я решил исправить это.

Он достал из рюкзака что-то, завернутое в бумагу, и развернул. Одна роза. Красная. Один стебель. Лепестки чуть примялись, потому что она лежала в рюкзаке между тетрадями.

— Вот, — сказал он и положил её на стол перед Настей. — Держи.

Он смотрел на неё так, будто принёс не розу, а золото. Будто перевернул мир, будто совершил подвиг, который войдёт в историю.

— Я специально зашёл по дороге. Долго выбирал. Думал, какую взять. Эта самая свежая.

Настя смотрела на розу. На столе, между чашкой и конспектом, лежал один красный цветок. Он был красивый. Наверное. Но она ничего не почувствовала. Ничего. Ни тепла, ни радости, ни благодарности. Только пустота — и где-то глубоко, под пустотой, раздражение.

— Спасибо, — сказала она. Голос прозвучал ровно, слишком ровно.

Артур ждал. Он явно ждал чего-то другого: улыбки, объятия, слов: «Ты у меня молодец!». Он смотрел на неё и ждал.

— Ты... — он запнулся. — Тебе не нравится?

— Нравится.

— Я думал, ты обрадуешься.

— Я обрадовалась.

— Настя, — он нахмурился. — Ты как будто не рада.

Она подняла на него глаза. И в этот момент ей захотелось сказать всё. Всё, что накопилось. Про то, что одна роза — это не букет. Про то, что Наташа получает намного больше и не считает это событием. Про то, что цветы, купленные один раз после двух лет слёз, — это не любовь, а подачка.

Но она сдержалась.

— Я просто устала, — сказала она. — Правда. Спасибо за розу. Поставлю в воду.

Она встала, взяла банку, налила воды и опустила туда розу. Один цветок в большой банке. Всего один. Это выглядело как насмешка.

Артур смотрел на неё и молчал. Он чувствовал, что что-то не так, но не понимал что. Он ведь сделал то, о чём она просила. Он купил цветок. Он постарался.

— Я думал, ты будешь счастлива, — сказал он тихо.

— Я счастлива.

— Ты врёшь.

Она обернулась.

— А ты? Ты никогда не врёшь? — спросила она, и в голосе впервые за долгое время прозвучала та самая вспылчивость, которую она так старалась прятать. — Ты никогда не говоришь, что был занят, а на самом деле спал или пил пиво с друзьями? Ты никогда не говоришь, что у тебя завал, а сам сидишь в телефоне часами? Ты никогда не обещаешь того, чего не собираешься делать?

— Настя...

— Что «Настя»? Я же не слепая, Артур. Я всё вижу.

— Я старался, — он повысил голос, и это было так непохоже на него, что она на секунду опешила. — Я правда старался! Я купил эту розу! Я думал о тебе! Я шёл по улице и выбирал! Что тебе ещё надо?

— Мне надо, чтобы это было не раз в два года! — она почти крикнула. — Мне надо, чтобы это было нормой! Мне надо, чтобы ты не ждал, пока я начну плакать, чтобы что-то сделать!

— Я не могу всё время...

— Ты не можешь ничего! — она шагнула к нему. — Ты не можешь купить нормальные цветы, не можешь заплатить за квартиру, не можешь придумать свидание, не можешь даже просто прийти без напоминания! Что ты можешь, Артур? Скажи мне. Что ты можешь?

Он стоял и смотрел на неё.

— Я могу тебя любить, — сказал он. — Я могу быть рядом, я могу ждать, я могу терпеть.

— И что мне с этого? — спросила она, и это прозвучало жестоко. Слишком жестоко. Она сама это поняла, но остановиться не могла.

Он отвернулся и взял рюкзак.

— Я пойду.

— Артур...

— Нет. Я пойду. Я не хочу ссориться. Я устал ссориться с тобой.

Он оделся. Она не остановила его, и дверь закрылась.

Настя осталась на кухне. Одна. С одной розой в банке. Она села на табуретку и закрыла лицо руками. Ей хотелось плакать, но слёз не было. Только пустота. Только глухая, тяжёлая усталость.

— Он ведь старался, — сказала она вслух. — Он правда старался.

Но даже эти слова прозвучали пусто, потому что роза была одна, а у Наташи — двадцать пять.

За стеной Наташа слышала всё. Она сидела на кровати, обняв подушку, и слушала. Она не хотела слушать — но слышала. Слышала, как Настя кричала. Слышала, как Артур говорил про любовь. Слышала, как хлопнула дверь. И где-то в её груди шевельнулось то самое — знакомое, липкое удовлетворение. Не злорадство. Просто тихое: «У неё тоже не всё хорошо. Мы обе несчастны».

Она тут же отогнала эту мысль, но она осталось как заноза.

Наташа встала, вышла на кухню. Настя сидела, глядя в стену. На столе — одна роза.

— Ушёл? — спросила Наташа.

— Ушёл.

— Ты чего?

— Ничего.

Наташа села напротив. Посмотрела на розу. Потом на Настю.

— Он принёс цветок?

— Да.

— Один?

— Один.

Пауза.

— И как? — Наташа спросила это мягко, без насмешки. — Тебе понравилось?

Настя посмотрела на розу долго. Потом перевела взгляд на Наташу.

— Нет, — сказала она. — Ничего не шевельнулось. Вообще ничего.

Наташа кивнула. Она не сказала «я же говорила», не сказала «я тебя предупреждала». Она просто кивнула, как человек, который всё понимает.

— Знаешь, что самое страшное? — Настя взяла розу и покрутила её в пальцах. — Он думал, что делает что-то великое. Он смотрел на меня, как на королеву, которой подарил полцарства. А я смотрела на эту розу и думала: «Это всё? Это всё, на что ты способен за два года наших отношений? Это даже отношениями не назовёшь. Он ведёт себя просто как мой знако-

мый, но даже знакомые иногда делают намного больше. Я не чувствую себя любимой и ценной рядом с ним. Я не чувствую безопасности и я не могу на него положиться как на мужчину. »

— Это не всё, на что он способен, — тихо сказала Наташа. — Это всё, на что он способен сейчас. А «сейчас» у него длится уже два года. Тебе пора что-то менять. Это действительно не назовёшь отношениями. Он подарил тебе за два года всего один жалкий цветок, как будто решил посмеяться над тобой.

Настя засмеялась. Коротко, горько.

— Ты права, — сказала она. — Ты всегда права, и это бесит.

— Я не права, — Наташа покачала головой. — Я просто устала врать себе. Ты тоже устала. Просто ты ещё не приняла окончательное решение.

Она встала и налила себе воды. Потом обернулась.

— Я, кстати, вчера ходила на свидание.

— И как?

— Никак. Он повёл меня в кафе, купил кофе, поговорил два часа со мной, а потом сказал: «Поехали ко мне».

— И ты?

— И я сказала нет. Он обиделся, сказал, что я «ломаюсь». Я ответила: «Я не ломаюсь. Я просто не тороплюсь».

— И?

— И он уехал, — Наташа пожала плечами. — Цветов не подарил, даже кофе не допил. Но знаешь что?

— Что?

— Мне не обидно. Правда. Раньше мне было бы обидно. Я бы сидела и думала: «Что со мной не так?» А сейчас я думаю: «Что с ним не так?» И это... это приятно.

Она ушла в свою комнату. Настя осталась на кухне с одной розой, с одной чашкой, с одной жизнью, которая не складывалась. Она взяла телефон и открыла переписку с Артуром. Последнее сообщение от него:

«Прости. Я не хотел ссориться. Я люблю тебя. Завтра позвоню».

Она смотрела на эти слова, потом посмотрела на розу. Один цветок, одна любовь, одна жизнь. А хочется — другой.

Она не ответила, просто положила телефон на стол. И в этот момент где-то внутри неё, в самом тёмном углу, что-то шевельнулось. Не мысль, не решение, а просто ощущение: А может, я тоже могу так. Может, я тоже стою большего. Может, мне не обязательно жить так, а именно, терпеть и ждать чего-то.

Она закрыла глаза. За стеной Наташа листала анкеты. В её комнате горел свет, в Настинной — нет.

Две комнаты, две девушки, два разных пути. И между ними — роза. Одна, красная, медленно умирающая в банке из-под консервов.

Прошли ещё недели. Декабрь катился к концу. Город готовился к празднику: на улицах зажигались огни, в магазинах играла одна и та же мелодия, люди покупали подарки, сустились, улыбались. Наташа продолжала ходить на свидания. Иногда возвращалась с цветами, иногда — с пустыми руками, иногда — с красными глазами.

— Меня вчера называли стервой, — сказала она как-то утром, намазывая масло на хлеб.

— А ты?

— И я сказала: «Спасибо» и повесила трубку.

Настя рассмеялась настоящим смехом. Она смотрела на Наташу и завидовала. Тихо, по-женски, но завидовала.

Она умеет. Она может. Она не боится. А я...

А Настя боялась. Боялась, что если она уйдёт от Артура — то останется одна. Боялась, что никто больше не скажет ей «люблю». Боялась, что Наташа найдёт своё счастье, а она — нет. И этот страх сидел в ней, как заноза, и ныл, и ныл, и ныл, а роза на столе стояла одна и не пахла.

Глава 7. Планы на Новый Год

До Нового года оставалось десять дней. Город пах мандаринами и хвоей, на каждом углу продавали ёлочные игрушки, а по вечерам окна домов светились разноцветными огнями — кто-то уже нарядил ёлку, кто-то просто развесил гирлянды на шторах. В квартире на пятом этаже ёлки не было. Ни гирлянд, ни игрушек. Только одна роза, потемневшая и поникшая, которую Настя всё никак не выбрасывала.

Наташа вернулась в четверг. Поздно, но не слишком — около десяти. Настя сидела на диване с книгой, которая не читалась, и услышала, как в замке повернулся ключ. Потом — тишина в коридоре, потом — шаги на кухню, потом — звук воды, льющейся в банку. Настя отложила книгу и вышла.

Наташа стояла у окна. В банке — букет. Не розы, не пионы, а тюльпаны — белые, нежные, с плотными бутонами — в декабре их, наверное, привезли откуда-то, где ещё было тепло. Она смотрела на них так, будто не верила, что они настоящие.

— Наташ?

— Ага, — Наташа обернулась, и Настя замерла.

Она улыбалась не той улыбкой, к которой уже привыкла Настя — сжатой, ироничной, будто человек держит оборону, а настоящей, широкой, глупой немножко, как у человека, который только что получил что-то, чего давно ждал.

— Что случилось?

— Ничего, — Наташа засмеялась. — То есть всё. Всё случилось. Я не знаю, как это объяснить.

— Ты сядь. Ты как будто сейчас упадёшь.

Наташа села на табуретку. Сняла шапку, но не выпустила её из рук — просто держала, комкая.

— Его зовут Марк, — сказала она. — Ему двадцать восемь, и он архитектор.

— Архитектор?

— Да. Представляешь? Настоящий. Он проектирует дома. Он мне показал на телефоне. Такие красивые, Настя. С большими окнами и деревьями на крышах.

— И как вы познакомились?

— На сайте, — Наташа смущённо улыбнулась. — Я уже почти удалила анкету, вот честно. Думала: всё, хватит, это помойка. И тут он написал. Не «привет, как дела», а «у вас на фото очень честный взгляд». Я сначала подумала: «Ну да, конечно, приём», но ответила.

— И?

— И мы переписывались неделю. Неделю, Настя. Каждый день. Он спрашивал про мою учёбу. Не просто «как дела», а правда спрашивал. Я ему рассказала про статью, которую пишу, про то, что хочу писать о людях, которых никто не замечает: про дворников, про медсестёр, про учителей. И он... он слушал.

— Слушал? Правда?

— Он задавал вопросы! — Наташа вскинула руки. — Он спрашивал, почему я выбрала журналистику, что меня вдохновляет, какие тексты я люблю. Он спрашивал про моих родителей, про то, чего я боюсь.

Она замолчала, будто сама себе не верила.

— А потом он позвал меня в кафе, — продолжила она тише. — И знаешь, что он сделал?

— Что?

— Он забронировал столик заранее. Не «давай куда-нибудь зайдём, где свободно», а забронировал у окна. И когда мы пришли, там уже стояли цветы. Вот эти, — она кивнула на тюльпаны. — Он их купил до того, как я пришла. Понимаешь? Он не ждал, пока я приду, чтобы удивить меня. Он всё придумал сам заранее.

Настя молчала. Она смотрела на тюльпаны и чувствовала, как в груди что-то сжимается.

— И как он тебе? — спросила она наконец.

— Он... — Наташа подумала. — Он спокойный. Знаешь, есть мужчины, которые всё время что-то доказывают себе, тебе, кому-то, а он — не доказывает. Он просто есть. Он смотрит на меня, когда я говорю. Не в телефон, а именно на меня.

— И о чём вы говорили ещё?

— Обо всём, — Наташа засмеялась. — Мы просидели четыре часа. Четыре, Настя! Официант уже три раза подходил, спрашивал, не хотим ли счёт, а мы всё сидели. Я ему рассказала, как в детстве хотела стать врачом. Он рассказал, что в детстве собирал модели самолётов. Мы говорили про книги, про фильмы, про то, каким должен быть город. Он сказал, что город должен быть для людей, а не для машин. И я подумала: «Господи, я с ним согласна».

— А он заплатил?

— Заплатил, — Наташа кивнула. — И даже не поморщился. И не сказал «ну ты мне теперь должна». Просто заплатил и потом проводил меня до метро и сказал: «Я хочу тебя увидеть снова».

— А ты?

— А я сказала: «Я тоже».

Она встала, подошла к банке и поправила тюльпаны — так, чтобы они стояли ровно.

— Настя, я не хочу сглазить, — сказала она тихо. — Но мне кажется, это он. Правда. Впервые за всё это время мне кажется, что это действительно он.

Настя улыбнулась искренне — насколько могла.

— Я рада за тебя.

— Правда?

— Правда.

Наташа подошла и обняла её крепко, как в старые добрые времена.

— Спасибо тебе...

Она ушла в свою комнату, а Настя осталась на кухне одна. Она смотрела на эти тюльпаны — белые, свежие, купленные заранее, — и чувствовала, как внутри неё растёт что-то тяжёлое и холодное. Она знала, как это называется, и ненавидела себя за это.

«Четыре часа, забронированный столик, цветы до её прихода, он спрашивал про её статьи. А Артур? Артур спрашивал, как дела, Артур говорил «прости», Артур купил одну розу за два года отношений и возомнил себя героем».

Настя пошла к себе и легла. Телефон завибрировал. Это был снова Артур: «Привет! Я соскучился. Давай завтра увидимся и обсудим Новый год?»

Она посмотрела на экран: «Давай».

Он пришёл в пятницу. Снег шёл с утра, и он вошёл весь белый, отряхиваясь в коридоре, смеясь, что похож на снеговика. Настя смотрела на него из кухни и думала: вот он, добрый, тёплый, свой. Но только почему же ей так пусто?

— О, тюльпаны! — он заметил букет сразу. — Наташины?

— Да.

— Красивые.

Он сел за стол, потёр руки — с мороза. Настя налила ему чай.

— Слушай, — начал он. — Про Новый год давай поговорим. Ты что хочешь?

— В смысле?

— Ну, в смысле, что мы будем делать? Ты хочешь куда-то пойти или дома посидеть?

Настя помешала чай ложкой медленно:

— А ты что хочешь?

— Я? — он пожал плечами. — Мне без разницы. Я хочу с тобой. Кстати, у меня мысль: давай у вас? У вас квартира больше. Я куплю продукты, и мы вместе что-нибудь приготовим. Ну, там, салаты, курицу. Я умею готовить курицу с яблоками.

— Курицу с яблоками, — повторила Настя.

— Ага. Мама научила.

— То есть ты предлагаешь мне встретить Новый год дома и приготовить курицу.

— Ну а что? — он улыбнулся. — Дома уютно. Никуда не надо ехать, не надо тратиться на такси. Это спокойно, как-то по-семейному.

Настя отпила чай. Чай был горячий, а внутри у неё всё было холодное.

— Артур...

— М?

— А подарок?

— Какой подарок?

— Новогодний. Что ты мне подаришь?

Он замер, потом поставил чашку.

— Ну... — он задумался. — А что ты хочешь? Скажи, я подарю.

— Ты спрашиваешь, что я хочу?

— Ну да, чтобы не ошибиться.

Настя посмотрела на него долго.

— Артур, — сказала она. — Если я скажу тебе, что я хочу, — это уже не подарок. Это доставка.

— В смысле?

— В смысле, подарок — это когда ты сам придумал, сам выбрал, сам понял, что мне нужно. Мы два года с тобой в отношениях, а ты до сих пор как будто не знаешь, что я люблю... Вот я, например, знаю, что ты любишь. Ты хотя бы угадай тогда, что мне подарить... Или подумал бы заранее, как узнать, что мне хочется.

— Настя, ну я же не угадаю...

— Ты не угадаешь, — согласилась она. — Потому что ты не думаешь. Ты никогда не думаешь заранее. Ты думаешь, когда уже поздно.

Он опустил глаза. Потом сказал тихо:

— Я одолжу деньги у Кирилла. У друга. Я тебе что-нибудь куплю, обещаю.

— Одолжишь.

— Да.

— То есть ты подаришь мне подарок на чужие деньги?

— Настя, ну а что мне делать? — он вспыхнул. — Я искал подработку, честно искал, но сейчас декабрь, все заняты, никто не берёт. Я не могу найти, я правда не могу...

— Я знаю, — сказала она. — Ты никогда не можешь.

Он замолчал. Молчал долго, потом взял чашку и допил чай.

— Значит, дома? — спросил он. — Курица, салаты?

Настя не ответила.

Вечером пришла Наташа. Она была в хорошем настроении — светилась, как гирлянда, скинула шубу, прошла на кухню.

— О, Артур, привет!

— Привет.

— Что такие хмурые?

— Планы обсуждаем, — сказала Настя. — На Новый год.

— А, — Наташа налила себе воды. — Кстати! Мне Марк предложил вот что... Он сказал, что забронировал столик в ресторане на набережной. Там панорамные окна, вид на реку. А потом — концерт. Он уже купил билеты.

Артур поднял брови.

— В ресторан? На Новый год?

— Ага, — Наташа пожала плечами, будто это было обычное дело. — Там, кажется, есть программа: живая музыка и салют в полночь.

— Это же, наверное, дорого, — сказал Артур.

— Дорого, — согласилась Наташа. — Но он сказал: «Новый год бывает раз в году». И он хочет, чтобы я запомнила этот.

Она ушла в свою комнату, и на кухне стало тихо. Настя смотрела в стол. Она представила: ресторан, окна, вид на реку, живая музыка, салют и Наташа — в красивом платье, с бокалом, с мужчиной, который всё придумал сам заранее не спрашивая.

А она? Она будет дома с курицей с яблоками, с салатом, с парнем, который одолжил денег у друга, чтобы купить подарок, потому что не смог найти подработку.

— Настя? — Артур тронул её за руку. — Ты чего?

— Ничего.

— Ты расстроилась из-за ресторана?

— Нет.

— Расстроилась. Я всё вижу

— Артур, — она подняла глаза. — Я не хочу Новый год отмечать дома.

Он откинулся на стуле.

— А где ты хочешь?

— Не знаю. Где угодно, но только не дома.

— Но у нас нет денег на ресторан.

— Я знаю.

— Тогда что?

— Ничего.

Она встала и пошла в свою комнату. Он остался на кухне один. Через минуту встал, оделся и ушёл, не попрощавшись. Она слышала, как закрылась дверь, и не вышла.

Через полчаса в дверь постучали. Это была Наташа.

— Можно к тебе?

— Заходи.

Наташа вошла и села на край кровати. Настя лежала лицом к стене.

— Он ушёл?

— Ушёл.

— Вы поссорились?

— Нет. Просто поговорили.

Наташа помолчала.

— Настя, я всё слышала.

— Я знаю. Стены же у нас тонкие.

— Он предлагает тебе отмечать Новый Год дома?

— Да. Курица с яблоками. Одолжит денег у друга на подарок.

Наташа вздохнула. Она смотрела на подругу — на её спину, на каштановые волосы, рассыпавшиеся по подушке, — и в ней боролись два чувства. Одно говорило: «Скажи ей что-нибудь доброе», а другое, тихое: «У неё то же, что было у тебя. А у тебя теперь другое».

Она выбрала первое.

— Слушай, — сказала она. — А давай вы с Артуром с нами пойдёте?

Настя повернулась.

— Что?

— С нами. С Марком. В ресторан.

— Наташ, ты с ума сошла что ли?

— Почему? — Наташа пожала плечами. — Я спрошу у Марка. Он же нормальный. Он не будет против. Столик можно на четверых забронировать. Мы будем вместе, и будет весело.

Настя села на кровати.

— Наташа, — сказала она. — Ты понимаешь, что это не сработает?

— Почему?

— Потому что у вас свидание. А мы... — она замолчала, подбирая слова. — А мы — довесок.

— Неправда.

— Правда, — Настя покачала головой. — Марк тебя позвал. Он всё придумал. Он заплатит за тебя. А Артур... — она усмехнулась. — Артур не сможет заплатить за меня. Да даже за себя он не сможет заплатить. У него нет денег. Он даже подарок собирается купить на чужие деньги.

— Ну и что? — Наташа смотрела на неё прямо. — Какая разница, кто платит?

— Разница есть, — сказала Настя тихо. — Огромная разница.

Наташа помолчала. Потом сказала:

— Я не хочу, чтобы ты сидела дома одна в Новый год.

— Я не буду одна. Со мной будет Артур.

— Настя...

— Наташ, — она посмотрела на подругу, и в её глазах было что-то новое, твёрдое. — Я не поеду. Спасибо, что предложила, правда, но я не поеду.

— Почему?

— Потому что я не хочу сидеть за чужим столом и смотреть, как чужой мужчина ухаживает за моей подругой. Потому что я не хочу весь вечер думать о том, что у меня так не будет. Потому что я не хочу...

Она замолчала.

— Что? — спросила Наташа.

— Потому что я не хочу завидовать тебе в Новый год.

Тишина. Долгая. Наташа смотрела на неё, и на её лице что-то дрогнуло.

— Ты мне завидуешь?

— Да, — сказала Настя. Просто, без обвинений, без злости. — Завидую. Ты нашла человека, который думает о тебе, который всё придумывает заранее, который вкладывается в отношения. А я... я сижу тут и делаю вид, что мне нормально.

Наташа опустила глаза.

— Я тоже тебе завидовала, — сказала она тихо.

— Чему именно?

— Тому, что у тебя есть Артур, что тебя кто-то любит, что ты не одна. Я приходила и смотрела на вас и думала: «Господи, хоть бы у меня так было». А потом... — она замолчала.

— Что потом?

— Потом я увидела, что тебе тоже плохо, — Наташа подняла глаза. — И мне стало легче. И мне до сих пор стыдно за это.

Они смотрели друг на друга долго. И в этой тишине было больше правды, чем во всех их разговорах за последние месяцы.

— Значит, мы обе страдали, — сказала Настя.

— Обе, — Наташа кивнула.

— И что теперь?

— Не знаю, — Наташа встала. — Но я всё равно оставляю предложение в силе. Если передумаешь — скажи. Я спрошу Марка.

Она пошла к двери и у порога обернулась.

— Настя...

— М?

— Ты не обязана терпеть такое отношение к себе от Артура. Ты же знаешь это, да?

Настя не ответила. Наташа вышла и закрыла за собой дверь.

Настя осталась одна. Она лежала и смотрела в потолок. За стеной Наташа что-то тихо говорила по телефону — наверное, с Марком. Голос у неё был мягкий, счастливый.

Настя взяла телефон: «Артур, прости. Я была резка».

Ответ пришёл сразу: «Ничего. Я понимаю. Я подумаю, как сделать всё лучше. Я что-нибудь придумаю».

Она смотрела на эти слова: «Я что-нибудь придумаю».

Она уже знала, что он ничего не придумает. Он просто напишет это, и ляжет спать, и завтра забудет. И через день они помирятся, и он придёт с рюкзаком, и они будут есть курицу с яблоками и пить дешёвое шампанское и смотреть телевизор. И в полночь он скажет: «С Новым годом, любовь моя», и поцелует её, и она почувствует, что этого мало, но ничего не скажет, потому что сказать — значит разрушить, а разрушить — значит остаться одной.

Она положила телефон на тумбочку. За стеной Наташа засмеялась тихо, счастливо.

Настя закрыла глаза и представила: ресторан, окна, река, огни. Наташа в красивом платье, Марк рядом и она, Настя, — за тем же столом, с Артуром. И все смотрят на них, и все

понимают, кто здесь настоящий мужчина, а кто — мальчик, который не может заплатить за ужин.

Она открыла глаза.

— Я не поеду, — сказала она вслух, в пустую комнату. — Не поеду.

И тут же, следом, пришла другая мысль тихая и страшная: «А может, мне вообще не надо с ним Новый год встречать?»

Она перевернулась на бок и накрылась одеялом с головой. До Нового года оставалось девять дней.

Глава 8. Ложь во спасение

Утро пришло серое, вязкое, с тем особым декабрьским светом, который не столько освещает, сколько подчёркивает пустоту. Настя проснулась рано — раньше будильника, раньше Наташи, раньше всех. Она лежала и смотрела в потолок, и в голове её уже была мысль: готовая, сформированная, как будто она думала над ней всю ночь, пока спала — я поеду.

Она встала, накинула халат и вышла на кухню. За окном шёл снег — мелкий, упрямый, он ложился на подоконник тонким слоем и не таял. Настя поставила чайник и села, обхватив колени руками. Через десять минут вышла Наташа. Заспанная, с растрёпанным хвостом, в огромной футболке с надписью «Свобода слова». Она увидела Настю и остановилась.

— Ты чего в такую рань встала?

— Не спится мне.

— Кошмары?

— Нет, — Настя помолчала. — Наташ, я подумала.

— О чём?

— О Новом годе.

Наташа замерла у холодильника и медленно повернулась.

— И что же ты решила в итоге?

Настя смотрела в чашку с чаем. Пар поднимался вверх, растворяясь в воздухе.

— Я поеду с вами.

Тишина. Потом — звук шагов. Наташа подошла и села напротив.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно.

— Ты не шутишь?

— Я не шучу.

Наташа смотрела на неё, и на её лице медленно расцветало что-то тёплое. Она схватила Настю за руку.

— Правда? Ты поедешь?

— Поеду.

— Ой, Настя! — Наташа вскочила и обняла её так крепко, что чай плеснул через край.
— Ты не представляешь, как я рада! Я так боялась, что ты останешься тут одна. Я бы весь вечер думала о тебе. Я бы не смогла веселиться.

— Ну вот, — Настя улыбнулась слабо. — Теперь сможешь.

— Марк будет счастлив! Я ему сказала, что ты, может, придёшь, и он сказал: «Конечно, пусть приходит. Чем больше людей, тем лучше».

— Он правда так сказал?

— Правда! — Наташа села обратно. — Он вообще... — она запнулась, подбирая слово. — Он широкий. Понимаешь? Не жадный. Ему не жалко. Он сказал, что столик можно забронировать на четверых.

Настя кивнула.

— Только, Наташ...

— Что?

— Артура я не возьму с собой.

Наташа замолчала, и улыбка сползла с её лица.

— Почему же?

— Ты сама знаешь почему.

— Настя...

— Нет, — Настя поставила чашку. — Я не хочу. Я не хочу сидеть за столом, где Марк будет платить за всех, а Артур будет сидеть и делать вид, что он тоже что-то значит. Я не хочу смотреть, как он мнётся, когда принесут счёт. Я не хочу... — она сглотнула. — Я не хочу позориться.

Наташа молчала. Потом сказала тихо:

— Ты уверена?

— Уверена.

— А ему что скажешь?

Настя отвернулась к окну. Снег всё шёл, медленный и бесконечный.

— Скажу, что еду к родителям и к бабушке в деревню.

— В деревню?

— Да. У меня бабушка в Тверской области живёт. Он знает, что она есть, поэтому не удивится. Родители у меня там же.

Наташа смотрела на неё долго, а затем произнесла:

— Ты собираешься ему врать?

— Да.

— Настя...

— А что мне делать? — Настя резко повернулась. — Сказать ему правду? «Артур, я еду с Наташей и её парнем в ресторан, а тебя не беру, потому что ты не можешь заплатить за ужин»? Ты представляешь, что он почувствует?

— А что он почувствует, когда узнает правду?

— Он не узнает.

— А если узнает?

Настя замолчала, потом сказала:

— Ты не выдашь меня.

Это был не вопрос. Это было утверждение.

Наташа вздохнула и откинулась на спинку стула.

— Я не буду врать за тебя.

— Тебе не придётся. Просто не говори ему, и всё.

— А если он спросит?

— Он не спросит. Он не из тех, кто спрашивает.

Наташа хотела что-то сказать, но промолчала. Она видела лицо Насти — упрямое, решительное, с той особой жёсткостью, которая появляется у людей, когда они приняли решение и не хотят, чтобы их переубеждали.

— Ладно, — сказала она наконец. — Я не скажу.

— Спасибо.

— Но Настя... — Наташа наклонилась вперёд. — Ты уверена, что это правильный выбор?

— Я уверена, что хочу пойти в ресторан. Остальное — неважно.

Она встала и пошла в свою комнату. Наташа осталась на кухне одна. Она смотрела на чашку с чаем, которая остывала на столе, и думала о том, что где-то в этой истории уже проросла трещина — глубже, чем раньше. И что она, возможно, только что стала её частью.

Артур позвонил вечером. Настя лежала на кровати, смотрела в потолок и держала телефон в руке. Она взяла трубку после третьего звонка.

— Привет.

— Привет, — его голос был мягкий, будто он уже забыл про их ссору. — Ты как?

— Нормально.

— Слушай, я тут подумал насчёт Нового года. Ты права, дома скучно. Может, пойдём куда-нибудь? Ну, не в ресторан, конечно, но...

— Артур, — она перебила его. — Я не могу.

— Не можешь? Почему?

— Я уезжаю.

— Куда?

— К бабушке в деревню. Она заболела, мама просит приехать.

Это была ложь, отрепетированная до автоматизма. Она даже сама почти поверила.

— О, — сказал он. — Надолго?

— На неделю. Может, больше. Я вернусь после праздников.

— Понятно, — он помолчал. — А я думал, мы вместе...

— Прости.

— Нет, ничего. Бабушка — это важно. Я понимаю.

Она закрыла глаза. Он понимал. Он всегда понимал. Это было его проклятие и её тоже.

— А ты что будешь делать? — спросила она.

— Я? — он будто оживился. — Ну, не знаю. Может, с пацанами встречусь. У Кирилла дача есть. Можно туда поехать. Шашлыки, всё такое.

— Здорово.

— Ага. И знаешь, — он засмеялся, — это даже к лучшему. Я же хотел продукты купить, курицу там, салаты. А теперь не надо. Сэкономлю.

Настя открыла глаза.

— Сэкономлю, — повторила она.

— Ну да. А то я уже думал, где деньги брать. А теперь — красота. С пацанами скинемся по тысяче, и всё.

— Красота, — сказала она ровно.

— Ты чего?

— Ничего. Рада, что тебе легче.

— Настюш, ну ты же понимаешь...

— Понимаю, — она села. — Всё, Артур, мне надо собираться. Позвоню, когда доеду.

— Хорошо. Люблю тебя.

— Пока.

Она нажала «отбой» и посмотрела на телефон. Потом положила его на тумбочку и уставилась в стену.

«Сэкономит». Она знала, что он не имел в виду ничего плохого. Он правда так думал. Он правда был рад, что не надо тратить, и в этом было что-то такое простое, такое детское, что ей захотелось одновременно заплакать и закричать.

Она встала, открыла шкаф и достала коробку, которую прятала на верхней полке. В коробке лежали деньги, отложенные ею. Она копила их три месяца — с репетиторства, с редких подработок, с того, что не покупала себе кофе, не ходила в кино, не заказывала еду. Она копила на что-то важное, но пока сама не знала на что. Теперь она задумалась об этом.

На следующий день она пошла в торговый центр одна. Без Артура, без Наташи. Просто вышла из дома и поехала.

Магазин электроники был яркий, шумный, полный людей. Настя ходила между стеллажами и смотрела на наушники. Она плохо в них разбиралась, но продавец — молодой парень с бейджем «Стажёр» — объяснил ей всё про звук, про шумоподавление, про то, какие лучше для учёбы, какие для музыки, какие для разговоров.

— Вот эти, — сказал он, указывая на чёрные, с мягкими амбушюрами, — самые ходовые. Хороший звук, нормальная цена.

Настя посмотрела на ценник. Семь тысяч.

— А эти? — она показала на другие. Подороже.

— Эти лучше, но они стоят двенадцать.

— Давайте эти тогда.

Она достала карту. На ней было ровно столько денег. Она копила на что-то важное, и вот — это оказалось важным. Она хотела, чтобы у Артура было что-то настоящее: что-то, что она выбрала сама, что-то, что она может дать ему.

Она вышла из магазина с пакетом. На улице было холодно, снег хрустел под ногами. Она шла и думала: почему она делает это? Почему покупает ему дорогой подарок, если злится? Почему тратит последние деньги на человека, который даже не подумал, что ей может быть обидно?

Она не знала ответа. Или знала, но не хотела признаваться: «Потому что я его люблю, потому что я хочу, чтобы он увидел, что я умею давать, потому что, может быть, тогда он поймёт. Может быть, тогда он тоже захочет.

Она шла домой и несла пакет, как несла бы надежду.

А Артур в это время стоял в переходе метро. Перед ним был лоток с игрушками: плюшевые медведи, зайцы, собаки, все одинаковые, все дешёвые. Он долго смотрел на них, перебирал, мямля в руках.

— Мужчина, берите, — сказала продавщица. — Последние.

— А сколько стоят?

— Пятьсот рублей.

Он посмотрел на медведя. Коричневый, с бантиком на шее, с глазами-пуговицами. Один глаз был пришит криво.

— А есть получше?

— Все такие.

Он вздохнул и достал кошелек.

— Давайте его.

Он заплатил и пошёл к выходу. Медведь был завернут в прозрачный пакет, и это было даже хорошо — не так заметно, что он дешёвый. Он думал о Насте: о том, как она обрадуется, о том, что она говорила про цветы, про внимание. Он не понимал, чего именно она хочет, но он старался. Он правда старался.

Пятьсот рублей — это нормально. Она же не меркантильная. Она добрая, она поймёт.

Он вышел на улицу и пошёл домой. Снег шёл, и он поднял воротник. В кармане лежал медведь. В телефоне — сообщение от Кирилла: «Берём дачу на три дня. Скидываемся по штуке. Ты в деле?»

Он набрал: «В деле».

И улыбнулся. Всё складывалось так, как ему того хотелось.

Вечером Настя сидела на кухне и пила чай. Наташа пришла с учёбы и сразу заметила пакет на стуле.

— Что это?

— Подарок.

— Кому?

— Артуру.

Наташа села и заглянула в пакет, увидела коробку с наушниками и присвистнула.

— Настя, это же дорогие наушники.

— Нормальные.

— Сколько они стоят?

— Двенадцать.

Наташа медленно подняла глаза.

— Ты потратила двенадцать тысяч на наушники? Свои отложенные?

— Да.

— Но зачем?

Настя пожала плечами.

— Хочу.

— Настя, — Наташа откинулась на стуле. — Ты его не берёшь в ресторан, врешь ему про деревню, а потом покупаешь подарок за двенадцать тысяч?

— Да.

— Это как-то... — Наташа замолчала, подбирая слово. — Странно.

— Может быть, — Настя посмотрела на неё. — А что мне делать? Прийти с пустыми руками? Сказать: «Извини, я тебе ничего не купила, потому что ты меня достал»? Я так не могу.

— Почему?

— Потому что я его люблю, — сказала Настя и сама услышала, как это прозвучало: тихо, устало, как признание. — Я его правда люблю, и я не хочу быть плохой. Я хочу, чтобы он знал, что я умею давать, что я не только требую.

Наташа смотрела на неё долго.

— Ты и так ничего заоблачного от него не требуешь... Ладно, а он тебе что?

— Не знаю. Что-нибудь.

— Ты не знаешь?

— Нет.

Наташа встала и налила себе чай. Потом сказала:

— Настя, я не лезу, но мне кажется, ты делаешь это не для него.

— А для кого?

— Для себя, — Наташа села обратно. — Ты хочешь доказать себе, что ты хорошая, что ты не такая, как я, что ты умеешь любить без условий.

Настя молчала.

— Но это не работает, — продолжила Наташа. — Ты можешь купить ему хоть сто наушников, но он всё равно не поймёт, потому что он не хочет понимать, потому что ему удобно. Он тебе за два года ничего нормального не дарил, а ты берёшь и тратишь все свои накопления на этот дорогой подарок для него. Он для тебя абсолютно ничего не делает, а ты терпишь да ещё и вкладываешься...

— Наташ.

— Что? Я говорю правду. Ты же сама знаешь.

Настя посмотрела на неё и вдруг сказала то, что не собиралась говорить:

— А если он подарит мне что-то хорошее? Что если он удивит меня?

— Тогда я первая скажу: «Молодец, Артур».

— Правда?

— Правда, — Наташа улыбнулась. — Я не злая. Я просто устала смотреть на то, как ты мучаешься, как ты бесконечно ждёшь, что он изменится, как ты терпишь его лень и безответственность.

Она встала и пошла к себе и у двери обернулась.

— Слушай, а ты уверена, что не хочешь его взять? Ну, в ресторан. Я могу спросить Марка. Он не против.

— Уверена.

— Ладно, — Наташа вздохнула. — Твоё дело.

Она ушла. Настя осталась на кухне. Она смотрела на пакет с наушниками и думала о том, что Наташа права. Она делает это не для него. Она делает это для себя, чтобы потом, когда всё закончится — а она уже чувствовала, что закончится, — можно было сказать: «Я давала. Я старалась. Я была хорошей. Это он не смог». Так и было, просто пока она не хотела видеть очевидных вещей.

Она взяла телефон и посмотрела на переписку с Артуром. Последнее сообщение было от него: «Как дела? Как бабушка?»

Она не ответила.

Тридцатое декабря. Утро. Настя собирала сумку — не в деревню, конечно, а в ресторан. Она выбрала платье, которое давно не надевала: тёмно-синее, с открытыми плечами. Оно висело в шкафу с прошлого года. Тогда она надевала его на день рождения Артура. Тогда ей казалось, что всё хорошо.

Наташа зашла в комнату.

— Красивое. Хорошо на тебе сидит, и цвет тебе очень идёт.

— Спасибо.

— Он не увидит.

Настя обернулась.

— Что?

— Платье. Артур не увидит. Ты его надеваешь не для него.

— И что?

— Ничего, — Наташа пожала плечами. — Просто сказала.

Она вышла. Настя посмотрела на своё отражение в зеркале: девушка в синем платье, каштановые волосы, карие глаза, красивая, одинокая, запутавшаяся.

Она подумала о том, что через два дня — Новый год. Через два дня она будет сидеть за столом с Наташей и Марком и есть и пить и смеяться и делать вид, что всё хорошо. Через два дня Артур будет на даче с Кириллом, есть шашлык и пить пиво, и думать, что она в деревне. Через два дня они обменяются сообщениями: «С Новым годом, люблю тебя», и всё. А потом — подарки. Она подарит ему наушники за двенадцать тысяч, а он подарит ей медведя всего за пятьсот рублей. И она посмотрит на этого медведя и поймёт...

Поймёт что?

Она не знала, но чувствовала, что поймёт: его любовь стоит пятьсот рублей. Ему не жалко тратить тысячу рублей на собрание со своими друзьями, а на подарок ей жалко...

Она закрыла сумку и села на кровать.

До Нового года оставалось два дня, и где-то в эти два дня пряталась та самая точка, после которой всё изменится. Она ещё не знала, где именно, но она её чувствовала, как чувствуешь трещину в стене — ещё не видно, но уже пахнет сыростью.

Глава 9. Дно

Тридцать первое декабря — последний день года. Утро выдалось ясное, морозное — такое, когда воздух кажется стеклянным, а звуки разносятся далеко-далеко. Настя проснулась рано. Она лежала в кровати и смотрела на платье, которое висело на дверце шкафа, — тёмно-синее, с открытыми плечами. Оно казалось ей чужим, как будто его повесили сюда для кого-то другого.

Она встала, приняла душ, высушила волосы, потом села перед зеркалом и стала наносить макияж — медленно, тщательно, будто собирала себя по кусочкам: тональный крем, тушь, тени, блеск для губ. Она смотрела на своё отражение и думала: «Кто ты? Что ты делаешь? Куда ты идёшь?» Ответа не было.

Наташа уже сутилась в коридоре. Она надела красное платье — короткое, смелое, с блестящими нитями, которые ловили свет. Волосы она уложила в мягкие локоны, а на шее блестела тонкая золотая цепочка — подарок Марка на прошлой неделе.

— Настя! Ты готова? — крикнула она через дверь.

— Почти.

— Марк уже подъезжает!

Настя надела платье. Оно сидело идеально — как будто было сшито на неё. Она накинула пальто, взяла сумку и вышла в коридор.

Наташа обернулась и замерла.

— Ты... — она подошла ближе. — Ты очень красивая.

— Спасибо.

— Правда. Я не вру.

— Я знаю.

Они посмотрели друг на друга, и в этом взгляде было что-то, чего обе не хотели называть: зависть — с одной стороны, стыд — с другой. И где-то между ними — старая, потрёпанная нежность, которая ещё держалась на честном слове.

Звонок в дверь прервал тишину.

Марк ждал внизу. Он стоял у чёрной машины — не новой, но чистой, ухоженной, — и когда девушки вышли, шагнул навстречу и открыл заднюю дверь.

— Привет! — он улыбнулся Наташе, потом посмотрел на Настю. — Настя, рад познакомиться с тобой. Наташа мне много о тебе рассказывала.

— Я тоже много слышала о тебе, — сказала Настя, и это прозвучало вежливо, но пусто.

— Садитесь, — он указал на машину. — А то замёрзнете.

Он был высокий, спокойный, с тем особым выражением лица, которое бывает у людей, уверенных в себе без наглости. Он не суетился, не старался понравиться. Он просто был, и от этого становилось ещё хуже.

Настя села на заднее сиденье, Наташа — вперёд. Марк обошёл машину, сел за руль и обернулся.

— Пристегнулись?

— Да, — Наташа улыбнулась.

— Поехали тогда.

Машина тронулась. За окном поплыли огни — гирлянды на витринах, ёлки во дворах, люди с пакетами, спешащие домой. Город готовился к празднику. Настя смотрела в окно и чувствовала, как внутри неё всё сжимается.

— Настя, — Марк посмотрел на неё в зеркало заднего вида. — Ты в порядке?

— Да. Спасибо.

— Ты какая-то тихая.

— Устала очень.

— Понимаю. Конец года — это всегда тяжело.

Он сказал это просто, без нажима. И Настя вдруг поняла, что ему правда не всё равно. Он заметил, он спросил, он не стал давить. Артур бы не заметил. Артур бы просто продолжил говорить о себе.

Ресторан был на набережной. Панорамные окна выходили на реку, которая сейчас была скована льдом, а по льду кто-то расставил светящиеся фигуры — олени, звёзды, снежинки. Внутри играла живая музыка: пианист в углу наигрывал что-то джазовое, теплое. Свечи на столах, белые скатерти, бокалы, которые ловили свет.

Их проводили к столику у окна. Марк отодвинул стул для Наташи, потом посмотрел на Настю и отодвинул стул для неё.

— Прошу.

— Спасибо.

Они сели. Официант принёс меню. Марк открыл своё и посмотрел на Наташу.

— Что хочешь?

— Не знаю. Давай ты выберешь.

— Хорошо, — он улыбнулся. — Я знаю, что ты любишь.

Он сделал заказ — уверенно, без суеты: вино, закуски, горячее. Настя смотрела на него и думала: «Он знает, что она любит». Артур не знал, что она любит. Да он даже и не хотел знать. Ему это было неинтересно.

Подарки достали после первого тоста. Шампанское шипело в бокалах, за окном кто-то запустил первый фейерверк — далёкий, разноцветный, он вспыхнул и погас.

— С Новым годом, — Марк поднял бокал.

— С Новым годом, — Наташа улыбнулась.

— С Новым годом, — сказала Настя и отпила. Шампанское было холодное, сухое, дорогое.

Потом Марк полез в сумку.

— Наташ, а это тебе.

Он протянул ей две коробки: первая — длинная, плоская, с логотипом известного бренда. Наташа открыла её и замерла: телефон. Новый, тонкий, с большим экраном, в цвете «титан». Она подняла глаза.

— Марк...

— Ты говорила, что твой тормозит, — он пожал плечами. — Я запомнил это.

— Он не просто тормозит. Он умирает.

— Теперь точно не умрёт.

Наташа засмеялась. В её глазах блеснули слёзы. Она наклонилась и поцеловала его в щёку.

— Спасибо тебе огромное.

— Подожди. Там ещё вторая.

Она открыла вторую коробку. Внутри — бьюти-бокс. Не дешёвый набор из масс-маркета, а настоящий: крем для лица, сыворотка, масло для волос, духи — маленький флакон, но от известного бренда. Всё аккуратно, всё подобрано, всё — то, что она так любила.

— Откуда ты знаешь про это? — прошептала она.

— Ты рассказывала про крем, про то, что у тебя закончился, про духи, которые тебе нравятся.

— Я не помню, чтобы я говорила тебе об этом...

— А я помню.

Настя смотрела на них, на коробки, на телефон, на бьюти-бокс, на лицо Наташи — счастливое, растерянное, живое, и чувствовала, как внутри неё что-то медленно умирает.

Потом Наташа полезла в свою сумку.

— Теперь мой подарок для тебя.

Она достала длинный свёрток — в крафтовой бумаге, перевязанный простой бечёвкой. Марк развернул его. Внутри была картина. Не картина — чертёж: старый, пожелтевший, с потёртыми краями. На нём — фасад здания: дом с большими окнами, с деревьями на крыше, с плавными линиями. Тот самый дом, который Марк показывал Наташе в телефоне.

— Это... — он замолчал.

— Я нашла мастерскую, — сказала Наташа тихо. — Там делают реплики старых чертежей. Я дала им твой проект. Они напечатали на старой бумаге, состарили. Это не оригинал, конечно, но...

— Это мой дом.

— Да.

— Мой первый дом, который я спроектировал, который построили.

— Да.

Он смотрел на чертёж долго, а потом поднял глаза.

— Наташ.

— Что?

— Это... — он покачал головой. — Я не знаю даже, что сказать.

— Скажи, что тебе нравится.

— Мне не нравится. Мне... — он замолчал. Потом сказал: — Я его повешу в кабинете прямо на самое видное место.

Он наклонился и поцеловал её не в щёку, а в губы: долго и медленно.

Настя отвернулась к окну. За стеклом горели огни. Река была чёрной, лед — серым, фигуры — разноцветными. Красиво, очень красиво. Она взяла бокал и допила шампанское. Оно больше не казалось холодным, оно казалось горьким.

Она смотрела на них весь вечер: на то, как Марк наливает Наташе вино, не дожидаясь, пока она попросит, как он спрашивает, не холодно ли ей, и приносит плед из машины, как он заказывает десерт, который она любит, и не спрашивает, хочет ли она, как он говорит с ней — тихо, внимательно, будто она — единственный человек в зале, как он держит её за руку под столом.

Она смотрела и понимала: вот оно. Вот то, чего у неё никогда не было. И, может быть, никогда и не будет.

В двенадцать часов зал взорвался аплодисментами. За окном грянул салют — большой, настоящий, не далёкий, а прямо над рекой. Небо стало красным, потом зелёным, потом золотым. Музыка заиграла громче. Люди вставали, обнимались, целовались.

Марк обнял Наташу, Наташа прижалась к нему. Они стояли так долго, и им было хорошо вместе.

Настя стояла рядом одна с бокалом в руке, и смотрела в окно.

— С Новым годом, — сказала она тихо никому.

Никто не ответил.

Телефон завибрировал. Это был Артур.

«С Новым годом, любимая! Как деревня? Как бабушка твоя?»

Она посмотрела на экран, потом набрала:

«С Новым годом. Всё хорошо. Бабушка спит».

Она нажала «отправить» и убрала телефон в сумку.

А в это время на даче под Москвой Артур сидел за столом, заставленным тарелками с шашлыком, салатами, чипсами и бутылками пива. Вокруг него — Кирилл, Денис, Макс и их девушки. Все с красными лицами, все громкие. Музыка из колонки, дым от мангала, смех.

— Артур, ну ты чего такой смурной? — Кирилл толкнул его в бок. — Новый год же!

— Я не смурной.

— Смурной. Сидишь, как сыч.

— Я нормальный.

— А где Настя-то? — спросил Денис, откусывая шашлык. — Ты же говорил, она в деревне?

— Да. У бабушки и у родителей.

— А, — Денис переглянулся с Максом. — Ну да, конечно.

— Что «конечно»?

— Ничего, — Макс засмеялся. — Просто странно же. Новый год, все с девчонками, а она в деревне у бабушки.

— Она так мне сказала.

— Ага. А ты не проверял её?

— Что проверять? — Артур нахмурился.

— Ну, — Макс пожал плечами. — Может, она не в деревне вовсе.

— Она в деревне.

— Уверен?

— Она так сказала.

Кирилл засмеялся и налил себе ещё пива.

— Слушай, Артур, я не хочу тебя расстраивать, но у тебя девушка — красивая очень, а ты — ну, ты сам знаешь. Ты не обижайся, но ты не богатый, не крутой, не... — он помолчал. — Ну, ты просто Артур.

— И что?

— И ничего. Просто странно, что она с тобой, вот и всё.

Артур опустил глаза, взял бутылку и отпил.

— У нас всё хорошо.

— Хорошо? — Денис хмыкнул. — Ты в курсе, что она на педагога учится? А ты на юриста. Вы даже не...

— Ну и что?

— А ничего. Я просто говорю.

— У нас всё хорошо, — повторил Артур, но это прозвучало жалко.

Макс толкнул Дениса локтем.

— Ладно, оставь его в покое. Новый год же.

— Да я что? Я ничего.

Они замолчали. Потом кто-то включил музыку громче. Денис пошёл за мясом, Кирилл налил ещё, их девушки над чем-то смеялись в стороне, а Артур сидел и смотрел в свою бутылку. Он хотел сказать что-то в ответ: что-то важное, что-то, что поставило бы их на место. Но он не знал что. Слова застряли где-то в горле и не выходили.

У нас всё хорошо, — подумал он и сам себе не поверил.

В ресторане Настя вышла в дамскую комнату. Она стояла у зеркала и смотрела на себя: красивая, синее платье, карие глаза. Всё как надо. Она открыла кран, набрала воды в ладони

и плеснула в лицо. Вода была ледяная. Она вытерлась бумажным полотенцем и посмотрела на себя ещё раз.

— Ты сама виновата, — сказала она отражению. — Ты сама выбрала его. Ты сама терпела всё это. Ты всё сама.

Отражение молчало. Она вышла, вернулась за стол. Марк что-то рассказывал Наташе, и та смеялась — легко, свободно, счастливо. Настя села и улыбнулась.

— Всё хорошо? — спросила Наташа.

— Да. Всё хорошо.

И это была самая большая ложь за весь вечер.

После ресторана они вместе поехали на концерт: большой зал, сцена, оркестр, свет, люди в красивых нарядах, шампанское в пластиковых стаканчиках, ожидание. Настя сидела между Наташей и Марком и смотрела на сцену, но не видела её.

Она видела другое. Она видела себя год назад. Тогда они с Артуром встречали Новый год у неё в квартире. Пили дешёвое шампанское из кружек, ели оливье из общего тазика, смотрели «Иронию судьбы». И она думала, что это счастье, что это и есть любовь.

А теперь она сидела в зале, где билеты стоили как её месячная стипендия, и понимала, что счастье — это другое, что любовь — это другое. Любовь — это поступки, а не пустые слова и обещания.

Марк наклонился к Наташе и что-то прошептал ей на ухо. Она улыбнулась и кивнула. Он взял её за руку. Настя отвернулась.

В антракте они вышли в фойе. Марк пошёл за шампанским, Наташа осталась с Настей наедине.

— Ну как тебе? — спросила она.

— Красиво.

— Правда?

— Да.

Наташа посмотрела на неё внимательно.

— Настя, ты какая-то...

— Какая?

— Не знаю. Как будто тебя здесь нет.

— Я здесь.

— Ты не рада?

— Рада, — Настя улыбнулась. — Правда. Я рада за тебя. Он хороший.

— Да, — Наташа кивнула. — Он очень хороший.

Пауза.

— Настя.

— М?

— Я знаю, что тебе тяжело.

— Ничего мне не тяжело.

— Тяжело, — Наташа взяла её за руку. — Я вижу. И я... Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя хуже. Я не хочу, чтобы ты думала, что я хвастаюсь.

— Ты не хвастаешься.

— Я знаю, но всё равно. Я просто... — она замолчала. — Я просто хочу, чтобы ты тоже была счастлива.

Настя посмотрела на неё и вдруг — неожиданно для себя — сказала:

— Я не знаю, что такое счастье.

Наташа замерла.

— Что?

— Я не знаю. Я думала, что знаю. Я думала, что счастье — это когда тебя кто-то любит, когда ты не одна, когда есть кто-то, кто ждёт тебя дома. Но теперь я не уверена в этом.

— Настя...

— Всё нормально, — Настя убрала руку. — Правда. Забудь. Я просто устала.

Марк вернулся с тремя бокалами.

— Шампанское! — объявил он.

— Спасибо.

Они выпили. Музыка заиграла снова, люди потянулись в зал.

Настя шла за ними и думала о том, что где-то там, на даче, Артур пьёт пиво и говорит друзьям, что у них всё хорошо. И что она здесь, в этом зале, в этом платье, с этим шампанским — и у неё всё плохо.

Она дошла до своего места, села, посмотрела на сцену, и в этот момент что-то внутри неё — тонкое, хрупкое, как стекло, — треснуло. Она не заплакала, не вздохнула, не выдала себя. Она просто сидела и смотрела, как на сцене люди поют про любовь, и думала: «Это не про меня. Всё это — не про меня».

После концерта Марк отвёз их домой. Он довёл Наташу до подъезда, поцеловал, сказал, что позвонит. Потом посмотрел на Настю.

— Настя, спасибо, что пришла. Было приятно познакомиться.

— Спасибо, что взяли.

— В следующий раз — с парнем. Я не против.

Она кивнула. Не сказала «да», не сказала «нет». Просто кивнула.

Они поднялись в квартиру. Наташа скинула туфли и засмеялась.

— Боже, как хорошо! Как же хорошо, Настя!

— Да.

— Тебе правда понравилось?

— Правда.

— А Марк? Он классный, да?

— Классный.

Наташа подошла и обняла её.

— Спасибо, что пошла. Правда. Мне было важно, чтобы ты была там.

— Я знаю.

— С Новым годом, Настя.

— С Новым годом.

Наташа ушла в свою комнату, Настя осталась в коридоре. Она сняла пальто, сняла туфли, прошла на кухню, села за стол. За окном всё ещё горели огни. Кто-то пускал фейерверки, где-то играла музыка. Люди праздновали.

Она посмотрела на банку, в которой когда-то стояли цветы. Пустая. На столе лежал пакет с наушниками — подарок для Артура, рядом — телефон. На экране — сообщение: «Спишь? Я тебя люблю».

Она не ответила, потому что просто не хотела отвечать. Она сидела на кухне одна в синем платье, с пустой банкой, с чужим праздником за окном. И в этот момент она поняла: это дно. Не потому, что она была одна, а потому, что она была одна — и с кем-то одновременно, потому что у неё был парень, который думал, что она в деревне, потому что у неё была подруга, которой она завидовала, потому что у неё была любовь, которая ничего не стоила. Она положила голову на стол и закрыла глаза.

За стеной Наташа что-то тихо говорила по телефону и смеялась. Ей было хорошо. Настя лежала на столе и думала: «Я больше так не могу».

Глава 10. Медведь

Второе января. Город ещё не отошёл от праздника: на улицах валялась обгоревшая мишура, у подъездов стояли осыпавшиеся ёлки, а люди ходили сонные, с припухшими лицами, будто всё ещё не верили, что Новый год прошёл.

В квартире на пятом этаже было тихо. Наташа ушла ещё утром — Марк позвал её на прогулку, потом в кино, потом куда-то ещё. Она поцеловала Настю в щёку и проговорила: «Я вернусь поздно, не жди». Настя кивнула и улыбнулась. И осталась одна. Она сидела на кухне с чашкой чая, которая давно остыла, и смотрела в окно. Двор был пустой. Только ворона сидела

на ветке и что-то каркала своё, воронье. Настя думала о том, что сегодня придёт Артур. Он написал утром: «Соскучился. Приду днём. Расскажешь, как всё прошло в деревне?» Она не ответила. Просто прочитала и отложила телефон.

Она не знала, что будет говорить. Она не готовила ложь заранее — просто знала, что соврёт. Это уже вошло в привычку.

Звонок в дверь раздался в час дня. Настя встала, поправила волосы, посмотрела на себя в зеркало в коридоре: бледная, уставшая, но нормальная. Она открыла дверь.

Артур стоял на пороге — в той же куртке, с тем же рюкзаком, с той же улыбкой. Он весь был какой-то одинаковый, как будто его отлили в форме и забыли вынуть.

— Привет! — он шагнул внутрь, обнял её, поцеловал в щёку. — С Новым годом ещё раз!

— С Новым годом.

— Ты как? Как доехала?

— Нормально.

Он снял ботинки, повесил куртку, прошёл на кухню, сел за стол, огляделся.

— А Наташа где?

— Ушла с Марком.

— А, — он кивнул. — Ну да. У неё же теперь есть этот... архитектор.

— Да.

— Круто, — он сказал это без зависти, просто как факт. — Рад за неё.

Настя налила ему чай, села напротив. Он взял чашку, отпил, поморщился.

— Горячий.

— Остынет.

Пауза. Он смотрел на неё, будто ждал чего-то. Она смотрела в стол.

— Ну рассказывай, — сказал он наконец. — Как деревня?

Настя подняла глаза. Вот он — момент.

— Хорошо, — сказала она. — Всё было хорошо.

— Бабушка как?

— Лучше. Уже ходит.

— Слава богу, — он откинулся на стуле. — А то я переживал.

— Переживал?

— Ну да. Ты же уехала, я не знал, что там. Мало ли.

Настя посмотрела на него. Он переживал, он правда переживал, только переживал он не о ней — о том, что не знал, что там, о том, что не контролировал, о том, что было не по его сценарию.

— А ты как? — спросила она.

— Отлично! — он оживился. — Мы с пацанами на дачу ездили. Кирилл, Денис, Макс и их девушки. Шашлыки, пиво, баня. Знаешь, как хорошо было! Мы до утра сидели. Денис гитару привёз, пели песни.

— Здорово.

— Ага. Только без тебя скучно было.

— Правда?

— Правда, — он улыбнулся. — Все с девчонками, а я один.

— Но ты же сам говорил, что с пацанами весело.

— Весело, но не то. Хотелось, чтобы ты была рядом.

Настя кивнула. Она не верила, но кивнула.

Он допил чай и полез в рюкзак.

— Слушай, я тебе подарок принёс. Хотел раньше, но ты же уехала. Так что вот. С Новым годом, хоть и с опозданием.

Он достал что-то, завернутое в прозрачный пакет, и протянул ей. Настя взяла. Развернула — медведь: плюшевый, коричневый, с бантиком на шее, с глазами-пуговицами. Один глаз был пришит криво — чуть выше другого. мех был дешёвый, искусственный, он топорщился в разные стороны, как будто медведь только что пережил бурю.

Настя смотрела на него долго.

— Ну как? — Артур улыбался. — Я долго выбирал. Честно. Там ещё были зайцы, но они какие-то глупые. А этот — ну, он смешной. Мне показалось, что тебе понравится.

Настя молчала.

— Ты чего? — он нахмурился. — Не нравится?

— Нравится, — сказала она. Голос был ровный, слишком ровный.

— Ты как будто не рада.

— Рада.

— Настя.

— Что?

— Ты смотришь на него, как будто он тебя обидел.

Она подняла глаза.

— Он меня не обидел. Он просто медведь.

— Ну да, — Артур засмеялся. — Медведь. Плюшевый. Чтобы ты не скучала.

— Чтобы я не скучала, — повторила она.

Пауза.

— Слушай, — она поставила медведя на стол. — У меня тоже для тебя есть подарок.

Она встала, вышла в комнату и вернулась с пакетом, положила перед ним.

— Держи.

Артур посмотрел на пакет, потом на неё, потом снова на пакет.

— Что это?

— Открой.

Он открыл, достал коробку, увидел наушники и замер.

— Это... — он посмотрел на бренд. — Это же дорогие...

— Нормальные.

— Настя, они же... — он перевернул коробку, посмотрел на ценник, который она забыла оторвать. — Двенадцать тысяч?

— Да.

— Откуда у тебя деньги?

— Копила.

— Ты копила? — он смотрел на неё, и в его глазах было что-то новое. Не радость, а изумление. — И ты потратила всё на меня?

— Да.

— Настя... — он встал, подошёл, обнял её крепко. — Ты... ты не представляешь. Я так хотел такие. Я в интернете смотрел, но не мог купить себе. А ты...

Он отстранился и посмотрел на неё. В его глазах блеснуло что-то похожее на слёзы.

— Ты самая лучшая, — сказал он. — Правда. Самая-самая. Я тебя так люблю. Ты не представляешь, как я тебя люблю.

Он говорил и говорил. Слова сыпались из него, как горох. Он хвалил её, говорил, что она добрая, что она заботливая, что она самая лучшая девушка на свете, что он никогда не встречал такой, как она.

Настя стояла и слушала и ничего не чувствовала. Слова падали на неё, как капли дождя на стекло. Стекали, не впитывались. Она смотрела на его лицо — счастливое, растерянное, благодарное, — и думала: «Почему сейчас? Почему ты сейчас говоришь всё это? Почему не год назад? Почему не тогда, когда я просила?»

— Ты молчишь, — сказал он вдруг.

— Я слушаю.

— Тебе не приятно?

— Приятно.

— Ты какая-то... — он замолчал. — Настя, что-то не так?

— Всё так.

— Ты врёшь.

— Нет.

Он смотрел на неё долго, потом вздохнул и сел обратно, взял коробку с наушниками, покрутил в руках.

— Я подарю тебе что-нибудь тоже. Хорошее. Правда. Я просто сейчас не знал...

— Артур...

— Что?

— Всё нормально. Забудь.

Она сказала это так, что он замолчал. Он больше не спрашивал. Просто сидел и смотрел на коробку, потом встал.

— Мне пора.

— Уже?

— Ага. Мне ещё к родителям заехать. Мама просила.

— Хорошо.

Он оделся и у двери обернулся.

— Настя.

— М?

— Спасибо за наушники. Я... я не ожидал.

— Не за что.

Он вышел, дверь закрылась. Настя осталась стоять в коридоре. Тишина, густая, плотная, как вата. Она слышала только своё дыхание и где-то далеко — ворону, которая всё ещё каркала.

Она прошла на кухню, села за стол, посмотрела на медведя. Он лежал на столе, кривой глаз смотрел в потолок, бантик съехал набок. Она взяла его, подержала в руках: мягкий, дешёвый, пахнет чем-то химическим. Затем положила его обратно. Потом встала и пошла к себе в комнату, закрыла дверь, легла на кровать лицом вверх и заплакала.

Сначала тихо. Слёзы текли по вискам, в уши, в волосы. Она не вытирала их. Потом — громче. Плечи затряслись. Она перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку, чтобы заглушить звук. Но звук всё равно выходил — глухой, страшный, как будто внутри неё что-то рвалось.

Она плакала не о медведе, не о наушниках, не о Новом годе. Она плакала о себе: о девочке, которая верила, что любовь — это когда тебя ждут, о девушке, которая терпела, потому что боялась остаться одна, о женщине, которая только что поняла, что её любовь стоит двенадцать тысяч, а его — пятьсот рублей и кривой глаз.

— Я больше так не могу, — прошептала она в подушку. — Я больше не могу так. Я не могу. Я не могу...

Она повторяла это, как молитву, как заклинание, как будто слова могли что-то изменить.

За окном стемнело. Она не заметила. Она лежала и плакала, и время шло, и ничего не менялось. Только пустота в квартире становилась плотнее. Она окутывала её, обнимала, как одеяло, из которого нет выхода. Настя села, посмотрела на телефон. Ничего: ни от Наташи, ни от Артура. Тишина.

Она встала, пошла на кухню, налила воды, выпила и посмотрела на медведя. Он лежал на столе, как маленький труп. Она взяла его, подошла к шкафу, открыла дверцу, сунула медведя на верхнюю полку — за старые тетради, за коробку с нитками, за что-то, что она не доставала годами, закрыла дверцу.

Она не выбросила его, не порвала, не сожгла. Она просто убрала его туда, где он не будет её видеть, потому что выбросить — значит признать правду, а признать она была ещё не готова.

Настя вернулась в комнату, снова села на кровать, посмотрела в окно. Там было темно. Только фонарь горел, и в его свете кружились снежинки.

Она подумала: «А что если я уйду?»

Подумала: «А что если я останусь?»

Подумала: «А что если я ничего не буду делать?»

И поняла, что не знает ответа, что в ней нет ни сил, ни решимости, ни ясности. Только пустота, только усталость, только медведь на верхней полке, который смотрит в темноту кривым глазом.

Она взяла телефон и открыла переписку с Наташей.

«Ты когда придёшь?»

Ответ пришёл через минуту.

«Поздно. Марк зовёт в ресторан сейчас. Ты как?»

Настя посмотрела на эти слова, потом набрала:

«Нормально. Хорошо вам повеселиться».

Она нажала «отправить» и отложила телефон в сторону. И осталась сидеть на кровати одна, в пустой квартире, с заплаканным лицом, с медведем на верхней полке, с любовью, которая ничего не стоила. И где-то в этой тишине, в этой пустоте, в этой темноте, что-то внутри неё — то, что ещё вчера держалось на честном слове, — лопнуло. Тихо, незаметно, окончательно. Терпение закончилось.

Глава 11. Сама себе цветы

Слёзы кончились так же незаметно, как и начались. Настя лежала на кровати, лицом вверх, и чувствовала, как подушка под головой стала холодной и мокрой. В комнате было темно — она не включала свет, и только фонарь за окном бросал на потолок бледное пятно, в котором медленно кружились снежинки. Где-то в соседних квартирах играла музыка, кто-то смеялся, кто-то хлопал пробкой. Люди продолжали жить. Праздник не заканчивался только для неё.

Она лежала и слушала тишину. И в этой тишине, шаг за шагом, начали появляться мысли. Не истеричные, не злые — спокойные, почти деловые. Как будто внутри неё кто-то очень уставший сел за стол, разложил бумаги и сказал: «Ну что, давай разберёмся».

Первая мысль была простая и честная: я хочу уйти от Артура. Настя даже не удивилась. Она это знала давно. Просто раньше боялась произнести. Теперь — произнесла, в темноте, одними губами.

— Я хочу уйти от него.

Слова повисли в воздухе. Никто не ответил, ничего не рухнуло, мир не перевернулся.

И следом пришла вторая мысль, тяжелее первой: но я не могу. Она перевернулась на бок и подтянула колени к груди.

Не могу не потому, что люблю. Точнее, не только поэтому. А потому, что страшно, потому что два года — это не два дня, потому что она уже не помнила, как это — просыпаться и не ждать сообщения, не думать, придёт он сегодня или нет, не считать, сколько раз за неделю он сказал «прости».

Я боюсь остаться одна. Я боюсь, что будет больно. Я боюсь, что не найду никого больше. Я боюсь, что он найдёт кого-то быстрее, чем я.

Она закрыла глаза. Вот она, правда: некрасивая, липкая, стыдная. Двадцать лет, а боится, как девочка.

Она полежала ещё немного, потом села резко, как будто кто-то толкнул её в спину.

— Ладно, — сказала она вслух. Голос был хриплый от слёз. — Ладно. Если я не могу уйти — значит, надо что-то делать.

Она встала, вышла на кухню, включила свет. Свет ударил по глазам, и она зажмурилась. На столе всё ещё лежал пустой пакет от наушников, на подоконнике — банка без цветов, медведь был в шкафу. Хорошо.

Она налила себе воды, выпила залпом. Потом оперлась руками о стол и посмотрела в окно.

— Если у него нет на меня денег, — сказала она тихо, — значит, у меня будут деньги на себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.